

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

Кафедра истории и культурологии

Андрей Кузнецов

ПРОСНУВШИЕСЬ В 1956-м

**Научно-популярная повесть
в жанре хронофантастики**

Бишкек 2022

УДК 821.51-3
ББК 84(5Кир)-442
К 89

Редактор-консультант:

А.Л. Тузов, лауреат высшей журналистской премии
Кыргызской Республики «Золотое перо»

Рецензенты:

Л.Г. Ставская, канд. ист. наук, профессор КРСУ им. Б.Н. Ельцина,
В.Г. Петров, краевед,
Э. Турдубеков, писатель, студент Литературного института
им. М. Горького, Москва, РФ

Кузнецов А.Г.

К 89 ПРОСНУВШИЕСЬ В 1956-м: научно-популярная повесть в жанре
хронофантастики. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. – 92 с.

ISBN 978-9967-19-885-2

Написанная в жанре хронофантастики книга принадлежит перу заслуженного деятеля культуры Кыргызской Республики, кандидата философских наук, профессора Кыргызско-Российского Славянского университета Андрея Кузнецова, в течение многих лет занимающегося исследованием истории и культуры Кыргызстана. Им написано более 25 книг, в том числе монографии: «Булат Минжилкиев», «Сайра Киизбаева», «Марьям Махмутова», «Композиторы Кыргызстана», «Творцы и интерпретаторы» (кн. 1, 2), документально-исторический очерк «Дом на Дзержинке», более 400 научных, научно-популярных и публицистических статей.

Посредством фантастического сюжета автор уводит читателя в увлекательное и в то же время вполне реалистичное «путешествие» в историческое прошлое Бишкека, города послевоенных лет. Читатель как бы погружается в атмосферу того нелегкого времени, когда люди жили бедно, но духовно богато, когда еще не так давно – до 1924–1925 годов – небольшой провинциальный городок стал всё быстрее приобретать облик столичного города – промышленного, культурного и научного центра молодой республики.

Издание адресовано преподавателям, студентам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-9967-19-885-2

УДК 821.51-3
ББК 84(5Кир)-442
© ГОУВПО КРСУ, 2022
© Кузнецов А.Г., 2022

Эта история как бы произошла со мной в 2011 году. Она была столь фантастична и невероятна, что я предпочел никому о ней не рассказывать. Теперь же, по прошествии десяти лет, случилось столько всяких вероятных и невероятных событий в мире, что я счел возможным рассказать о том, как всё это было на самом деле, – искренне, беспристрастно, ничего не утаивая.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Тогда листва на деревьях Дзержинки была густой

С трудом, словно после тяжелого сна, я открыл глаза. Ничего не понимая, посмотрел по сторонам: я сидел на скамейке на бульваре неподалеку от своего дома. Как я сюда попал и с чего бы это вдруг заснул, сидя на бульварной скамейке? Раньше со мной такого никогда не случалось. Постарался вспомнить события прошедшего дня, но, как ни напрягал память, ничего у меня не выходило – всё было словно в тумане. В ушах стоял какой-то странный шум, хотя физически я чувствовал себя вполне нормально.

Я еще раз посмотрел по сторонам. Стояла осень – лучшее время года в Кыргызстане. Большинство деревьев и кустарников еще хранили свой зеленый наряд, но многие из них уже окрасились в золотисто-желтый цвет. И всё же в окружающем пейзаже было что-то не то, а что именно, я не понимал. Тут я посмотрел вверх и вздрогнул: густая листва полностью скрывала небосвод.

Такое было лишь в далекие годы моих детства и юности, когда бульвар назывался «Имени Дзержинского» или просто «Дзержинка». Тогда деревья росли так густо, что их кроны сливались в единый зеленый массив, поэтому летом на бульваре всегда было прохладно и даже чуть темновато, по сравнению с открытым пространством. Что за чертовщина, подумал я, машинально опустив

взгляд вниз, и то, что увидел, повергло меня в шок – вместо привычной каменной плитки, которой вымостили аллеи бульвара несколько лет назад, я увидел старый растрескавшийся асфальт, а рядом со скамейкой тяжелую чугунную урну; такие урны стояли на бульваре много лет назад.

Страшное подозрение закралось в мое сердце, и оно бешено забилося. Я встал и глянул назад. О Боже – передо мной находилась некогда стоявшая здесь пивная, а прямо за ней пролегал глубокий, давно уже засыпанный овражек, по дну которого, журча, бежал ручей. Сомнений не было: я каким-то странным образом переместился во времени, примерно так лет на сорок-пятьдесят назад.

И, словно в подтверждение моей догадки, мимо меня прошло несколько ребят с пионерскими галстуками на шее и с портфелями в руках – они торопились в школу.

В этот утренний час на бульваре еще было малоллюдно. Редкие прохожие, мужчины и женщины, с озабоченными лицами быстро проходили мимо, направляясь к автобусной остановке на соседней улице Токтогула. Одеты они были кто во что придется – какие-то вельветовые курточки на молниях, серые кофточки, стоптанные башмаки. По мостовой с грохотом проехал грузовик. Нет, нет – такого не может быть! Всё это какой-то кошмар, навязание! Ноги у меня подкосились, и, если бы не скамейка, упал на землю. Придя в себя, я увидел знакомую дворничиху тетю Дусю, которая некогда гоняла нас, мальчишек, метлой за какие-то детские шалости. Она прошла мимо, не обратив на меня никакого внимания, и, дойдя до конца аллеи, принялась за уборку вверенной ей территории.

Я попытался собраться с мыслями, взглянуть на сложившуюся ситуацию трезво. Итак, что мы имеем? Я, никому неизвестный, немолодой уже человек, оказался вдруг в городе своего детства, именуемым в те годы Фрунзе, предположительно в 50-х годах прошлого века. Никто меня здесь в таком виде не узнает. Да и как узнать: был мальчик, а тут чуть ли не дедушка – вот даже тетя Дуся не признала, а ведь она прекрасно знала меня. В одночасье

я потерял всё – семью, родственников, друзей, работу, квартиру, имущество. Более того, если бы я к кому-то обратился за помощью и попытался объяснить, кто я такой и что со мной случилось, то меня просто приняли бы за сумасшедшего.

А как жить? И на что? Деньги у меня есть – на них я бы мог прожить несколько дней, но сейчас они не имели никакой цены – это была просто бумага, причем опасная для меня. Их лучше всего никому не показывать и поскорее уничтожить, а то, не дай Бог, меня еще примут за иностранного шпиона с какой-то странной валютой. И всё же во мне теплилась отчаянная надежда, что всё это какой-то кошмарный сон и он вскоре пройдет.

Да, попал я в ситуацию. Хорошо, что еще одет неброско и одежда меня ничем не выдает, а вот электронные часы с титановым браслетом, пластиковые карты и сотовый телефон с портативным зарядным устройством выдадут меня с головой – от них тоже нужно немедленно избавляться или хотя бы где-то спрятать. О, Господи! – еще одна улика, и она у меня на голове: бейсболка с надписью футбольного клуба «Barcelona», а в Испании сейчас у власти фашисты! Я снял ее, скрутил и, убедившись, что никто на меня не смотрит, выбросил в урну.

Что ж, пора предпринять какие-нибудь действия. Для начала нужно пройтись по бульвару, осмотреться, а заодно и выяснить, какой сейчас год. Я вспомнил, что в двух-трех кварталах отсюда у кинотеатра «Хроника» некогда находились витрины с газетами. Туда я и направился.

Справа сквозь деревья просматривался универмаг «Люкс» – его снесли лет тридцать назад, но тем не менее он, как и прежде, стоял на своем месте. А вот и памятник Кирову, которого тоже давно уже нет, а справа от него – здание прокуратуры, нынешнее здание Конституционной палаты Верховного Суда, правда, не столь ухоженное и нарядное, каким оно стало после недавней реставрации. По обеим сторонам бульвара располагалось много старых, построенных еще в довоенные годы зданий – почти все они оставались нетронутыми. А вот и общественный туалет, открытый здесь в начале 50-х годов. В начале XXI века, несмотря на

протесты жителей Дзержинки, на месте того туалета соорудили торговую точку. В общем, делаю вывод: сейчас, наверное, середина 50-х, а может быть, и конец.

Так я дошел до Киевской (до 1954 года Дунганской). Здесь около нового трехэтажного жилого дома толпился народ, одна за другой подъезжали машины, груженные мебелью и домашним скарбом. Всё ясно – это вселяются в дом академики. Им повезло: получили прекрасные квартиры в самом центре города, на бульваре.

Наконец я дошел до кинотеатра. Здесь народа было побольше. У билетной кассы сустились ребятишки, желавшие попасть на первый утренний сеанс. Я обратил внимание на красочный щит, укрепленный над входом в кинотеатр – это была реклама кинофильма «Багдадский вор», который я не раз смотрел в детские годы. Неподалеку от кассы стояла мороженщица, торговавшая эскимо.

А вот и газеты. Я подошел к витрине с «Советской Киргизией», и первое, что увидел, было сообщение о прибытии первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева на отдых в Белград.

Но меня интересовала дата выпуска газеты. Где же она? Не может быть: 21 сентября 1956 года, пятница! Меня прошиб холодный пот, и я невольно приложил руку к сердцу. Стоявшая рядом пожилая женщина участливо спросила: «Вам помочь?». «Нет, нет, спасибо, всё в порядке», – ответил я и отошел от витрины.

Мне вдруг захотелось пить. Павильон, в котором продавалась газированная вода, был открыт, и я было направился туда, но вовремя опомнился, советских-то рублей у меня не имелось. Пришлось идти до ближайшей водопроводной колонки, которых в то время в городе было великое множество, где я наконец смог утолить жажду, а заодно и умыться – благо никого рядом не было. Холодная вода освежила меня, придала бодрости, и я немного успокоился.

Что же делать? Нужно где-то раздобыть денег. Самое верное средство – что-нибудь продать. Часы не идут в счет. Остаются золотой перстень, портмоне и куртка. Продажей портмоне дела

не решишь: вырученных денег хватит лишь на один обед. Куртку жалко, да и неизвестно еще, где придется ночевать, – как-никак осень. Остается перстень. Золота в нем граммов на двадцать, так что если не продешевить, то на вырученные деньги можно будет прожить месяц, а то и больше. Главное, найти покупателя, а таким может быть ювелир или зубной врач, правда, врачи предпочитают золото высокой пробы.

В любом случае, действовать нужно осторожно – любые операции с драгоценными металлами в СССР преследовались.

Итак, решено: иду продавать перстень. Жалко с ним расставаться. Я его ношу уже много лет. Перстень красивый, в виде щита с моей монограммой. Сделан он был на заказ у старого мастера уйгура, а на его изготовление ушли старые золотые часы и пара колец. Но ничего не поделаешь – иного выхода у меня нет.

Я направился в небольшую ювелирную мастерскую, расположенную неподалеку от колхозного рынка.

Мой путь лежал через Дубовый парк, посаженный известным в городе садоводом Фетисовым в конце XIX века. Парк был великолепен. Конечно, в нем росли и другие деревья, но основную массу составляли высоченные красавцы-дубы. Под их мощными кронами в этот осенний день было даже немного зябко. Я вновь увидел парк таким, каким он был полвека назад, не столь облагороженным, а уютным, тенистым.

А сколько здесь еще памятных и дорогих для меня мест! Вот кинотеатр «Ударник», где я однажды зимой чуть не отморозил себе ногу. Этот «Ударник» зимой не отапливался. А это летняя танцплощадка, куда я вместе с друзьями ходил по вечерам на танцы; тут же находилось и старое здание оперного театра, неказистое, но связанное со многими незабываемыми воспоминаниями. Все это вызвало во мне прилив ностальгических чувств.

Наконец я дошел до мастерской. Она располагалась в старом одноэтажном здании. Кроме ювелира, здесь еще работал часовой мастер, возле которого стоял какой-то парень в клетчатой рубашке, похоже, принесший в починку часы.

Ювелир, грузный мужчина лет пятидесяти, с мешками под глазами, был свободен. Я подошел к его окошку, снял с руки перстень и сказал, что хотел бы его продать. Мужчина внимательно посмотрел на меня, взял перстень и стал изучать его. Похоже, осмотром он остался доволен.

– Спору нет, – сказал мастер, – вещь стоящая, но нужно еще найти покупателя, которому бы сей предмет понравился и, главное, подошел бы по размеру. Всё это требует времени. Поэтому я могу купить его, просто как лом, по весу.

И он назвал сумму в два раза меньшую, чем я предполагал получить. «Нет, нет, спасибо», – я взял перстень и решительно направился к выходу.

– Куда же вы? Так дела не делают, – услышал я негромкий голос ювелира.

Я вернулся, и начался торг. В конце концов, мы сошлись в цене, перстень переключал в сейф мастера, а я получил столь нужные мне советские дореформенные купюры.

Давненько я их не держал в руках. Было даже как-то непривычно – купюры оказались слишком большими по размеру, особенно сторублевые: в портмоне они явно не вошли бы. Пришлось просто свернуть их и положить во внутренний карман куртки.

Деньги придали мне уверенность и подняли настроение. Я вернулся в Дубовый парк, присел на стоявшую в тихом месте скамейку и задумался о случившемся.

В том, что я каким-то невероятным образом оказался в прошлом, было разумное объяснение. Месяца два назад я решил привести в порядок свой фотоархив. В нем было около сотни катушек старых фотопленок, первые из которых я заснял, еще будучи школьником. Кроме того, имелось великое множество фотографий, хранившихся в альбомах и пакетах. Разбирая пленки и снимки, я невольно погружался в прошлое – дни веселой, беззаботной юности, когда всё казалось светлым и прекрасным. Мне даже захотелось перенестись в то далекое, но милое для меня время.

Хорошо бы было, – мечтал я, – хоть одним глазком заглянуть в прошлое, пройтись по улицам города, увидеть старые, давно

несуществующие здания и постройки, посмотреть на людей, в общем, окунуться в ту бедную, но духовно богатую атмосферу тех лет. И вот кто-то, словно подслушав мои мысли, перенес меня в прошлое. Однако хорошо мечтать, не подвергая себя никакой опасности, но совсем иное – оказаться в подобной ситуации в реальности.

Что же мне делать? Ходить по городу без документов опасно – рано или поздно их кто-то потребует предъявить. И что я скажу? Что я человек из будущего? Да кто этому поверит? А вот попасть в психушку можно в два счета. Придумать более или менее достоверную историю? Простых людей это, может быть, и устроит, но официальные лица потребуют подтверждения. Начнутся всякие проверки, запросы, и вскоре моя легенда рассыплется как картонный домик.

Поразмыслив, решил, что мне надо найти укрытие. А для этого нужен человек, которому я мог бы довериться, который бы поверил в то, что ему расскажу. Но где найти такую личность? Мы приехали в Киргизию в феврале 1950 года, а сейчас сентябрь 1956-го. Значит, многие люди, которых я знал, в том числе мои родители, да и я сам, должны были жить там же, где они жили в годы моего детства и юности.

И я стал перебирать в памяти всех, кого помнил, – соседей по дому, своих учителей, коллег отца, знакомых. Я понимал, что мне нужен человек умный, гуманный, с богатым воображением и нестандартным мышлением. Желательно, чтобы он жил в частном доме, и один. Я долго перебирал в памяти всех своих знакомых, но подходящего мне человека найти никак не мог.

И вдруг меня осенило: Юрий Алексеевич, музыкальный редактор республиканского радио, эрудит, меломан. Это была уникальная личность, человек, обладавший энциклопедическими познаниями, особенно в области литературы, искусства, и этими знаниями щедро и бескорыстно делившийся с людьми.

Редактор был холост и жил вместе со своей сестрой в небольшом домике, находившемся неподалеку от городского парка. Лучшей кандидатуры мне не найти: Юрий Алексеевич подходил мне

по всем параметрам – это был человек благородного происхождения, культурный, образованный, отзывчивый. Но прийти к нему можно только вечером – сейчас он на работе.

Ну а до наступления вечера нужно чем-то заняться. Кстати, подошло время обеда. Конечно, можно пообедать в ресторане – их в городе в 50-е годы было совсем немного – «Киргизстан», «Киргизия», «Фонтан», «Привокзальный». Но я считал более разумным, чтобы не обращать на себя внимания, пойти в столовую № 6, где я не раз бывал в юности с друзьями. Это заведение советского Общепита, хотя и именовалось столовой, ничем от ресторана не отличалось; по вечерам там даже играл оркестр.

Встав со скамейки, я направился прямой дорогой в столовую. У выхода из парка прошел мимо группы детей с воздушными шарами в руках, но, едва миновав их, услышал громкий хлопок от лопнувшего шара. Я невольно обернулся, и то, что увидел, отнюдь не обрадовало меня: сзади детей заметил того же самого парня, которого ранее видел в ювелирной мастерской. Парень явно шел за мной. Похоже, что он не заметил моего взгляда, поскольку в тот момент смотрел на детей.

Что же ему надо от меня – ограбить? Но это он мог сделать в парке, благо скамейка, на которой я сидел, находилась в довольно укромном месте. Выследить, куда я пойду, – но зачем? Я встретился: дело принимало нехороший оборот. Нужно было каким-то образом оторваться от него, а это лучше всего сделать на автобусной остановке.

Ближайшая остановка находилась неподалеку от парка. По пути к ней я украдкой поглядывал назад и всякий раз замечал вдали своего преследователя. На остановке в этот час было немногочисленно, поэтому парень боялся подходить близко и держался чуть в сторонке. Этим я и воспользовался – когда подошел автобус, я сделал вид, что этот маршрут мне не подходит и стал смотреть на мостовую, желая, как бы удостовериться: не идет ли еще какой транспорт, следующий в нужном мне направлении.

И вот в последний момент, когда автобус должен был тронуться с места, я быстро преодолел расстояние, отделявшее меня

от входной двери, и впрыгнул в нее. Дверь за моей спиной со скрипом закрылась, и автобус тронулся с места. Сквозь мутное стекло я видел, как парень, уже не таясь, выбежал на остановку и с досадой стал смотреть вслед уходящему транспорту.

Опасаясь, что он начнет меня преследовать на такси, я вышел на ближайшей остановке и хорошо знакомыми мне с детских лет проходными дворами прошел на смежную улицу, затем свернул направо и через три квартала добрался наконец до главной цели моего маршрута – столовой номер шесть.

Минуя вестибюль, где находились гардеробная и буфет, я вошел в большой зал с широким проходом, в конце которого была устроена небольшая эстрада, где по вечерам играл оркестр. По обеим сторонам прохода стояли покрытые белыми скатертями столы. Я сел за столик у окна и, ожидая появления официантки, осмотрелся. Зал был заполнен всего лишь наполовину. Основную массу посетителей составляли служащие близлежащих учреждений, пришедшие сюда на обеденный перерыв. Неподалеку от меня разместилась шумная компания – мужички пришли побаловаться пивком, о чем свидетельствовали многочисленные бутылки, которыми был заставлен их стол.

Подошла официантка – женщина средних лет с белым фартуком и накрахмаленной накидкой на голове. Просмотрев меню, я заказал солянку и котлету по-киевски, а для поднятия настроения – стопочку коньяка и бутылку «Боржоми». Обед оказался неплохим, и обошелся он мне сущие пустяки: в наше время на эти деньги я бы мог заказать разве что порцию салата.

В приподнятом настроении я вышел на улицу. Яркое светило солнце. Несмотря на конец сентября, было по-летнему тепло. Часы показывали без четверти три. До вечера еще далеко, и нужно где-то скоротать время, по улицам ходить всё же опасно. Хорошо бы пойти в библиотеку и там спокойно почитать газеты, журналы, узнать, чем живет сейчас город. Но без предъявления документа туда меня просто не пустят.

– Остается лишь одно: кино, – подумал я и пошел в сторону кинотеатра «Ала-Тоо».

С этим кинотеатром у меня связано одно воспоминание. Помню, как в юности я с большим нетерпением ждал исполнения шестнадцати лет, возраста, когда можно получить паспорт: ведь человек с паспортом – это как бы уже взрослый. А какой мальчишка не мечтает стать взрослым? Преимуществ у владельца паспорта было немало, но главным из них была возможность ходить на вечерние сеансы в кино, особенно на фильмы с грозным предупреждением «Детям до 16 лет вход воспрещен».

Никогда не забуду тот день, когда вскоре после получения долгожданного документа я с друзьями отправился в кино, предусмотрительно положив в карман новенький, еще пахнущий свежей типографской краской паспорт. Я уже представлял, как грозная контролерша задаст мне свой каверзный вопрос: «А вам, молодой человек, шестнадцать лет есть?». И тут, молча, полный собственного достоинства, я предъявлю ей свою замечательную книжицу. Но ничего этого почему-то не произошло: контролерша спокойно пропустила меня в кинотеатр. Подобная ситуация повторилась еще пару раз, после чего я стал ходить в кино без паспорта.

И вот, спустя много лет, я снова в том же «Ала-Тоо». Я поспел как раз вовремя: в четыре часа начинался сеанс. Демонстрировался фильм «Возраст любви» с участием известной аргентинской певицы Лолиты Торрес. Этот фильм я не раз смотрел в юности, а в 80-х годах побывал даже на ее концерте во Фрунзе. «Ну что ж, не велика беда: послушаю еще раз», – решил я и купил билет на сеанс. Фильм и особенно прозвучавшие в нем чудесные песни всколыхнули во мне воспоминания о днях моей далекой юности, окончательно вернули в прошлое, ставшее теперь для меня самой настоящей реальностью.

Наступил вечер – можно идти к Юрию Алексеевичу. Я шел по центральной улице, носящей имя Сталина. Это естественно – все лучшие улицы любого населенного пункта страны назывались тогда в честь вождей и идеологов коммунизма – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а их бюсты и статуи украшали площади и скверы.

Я заметил, что большинство встреченных людей были русскими, во всяком случае, как говорят сейчас, русскоязычными, а коренных жителей республики – киргизов – было совсем немного. Непривычно мало было автомобилей – они не шли сплошным потоком, не стояли в ряд один за другим по краям дорог, как сейчас, а лишь изредка проезжали по мостовым. И, конечно же, среди них не было ни одной иномарки – одни «Москвичи» и «Победы». Впрочем, иногда можно было встретить трофейные немецкие автомобили.

На протяжении всего пути я обдумывал слова, которые скажу Юрию Алексеевичу при встрече. Я понимал, что нужно будет говорить так, чтобы он поверил мне при всей невероятности истории, которую ему поведаю. Сделать это, конечно, будет трудно. Однако иного выхода у меня просто нет.

Ну вот и старый, чуть покосившийся дом, в котором живет редактор. Я постучал в калитку, залаяла собака. Вскоре послышались шаги и чуть хрипловатый голос «Иду, иду!». Калитка распахнулась, и я невольно вздрогнул. Передо мной стоял Юрий Алексеевич – в свое время одна из самых ярких и колоритных фигур нашего города. Высокий, с окладистой черной, как смоль, бородой и живыми, выразительными глазами, он посмотрел на меня и спросил:

– Вы ко мне?

– Да, Юрий Алексеевич, к вам. Здравствуйте!

– Добрый вечер! Проходите, пожалуйста!

Мы вошли в дом. Пройдя через крохотную прихожую, я оказался в небольшой светлой комнате, главным украшением которой были плотно заставленные книгами и пластинками шкафы. Обстановка была скромная, но подобранная со вкусом. Посреди комнаты стоял обеденный стол с венскими стульями, а в углу – диван. С потолка свисал шелковый абажур, заливавший всё окружающее пространство мягким золотистым светом. Стены комнаты украшали картины и гравюры.

– Присаживайтесь! – Юрий Алексеевич указал мне на один из стульев, а сам сел с противоположной стороны стола и приготовился слушать.

– Не знаю даже, с чего начать. Вначале позвольте представиться: Дмитрий Борисович Васильев, лингвист, читаю лекции по романской филологии в университете.

– Очень приятно! Кто я, полагаю, вы знаете.

– Конечно, вас, наверное, весь город знает.

Юрий Алексеевич улыбнулся.

– В то, что я вам сейчас расскажу, – продолжал я, – трудно поверить, но это отнюдь не фантазия и не плод большого воображения. Это реальность, какой бы невероятной она не казалась. Поэтому прошу вас внимательно меня выслушать. Я обращаюсь именно к вам, поскольку уверен, что только вы сможете меня понять.

И я без утайки рассказал Юрию Алексеевичу всю мою историю. Во время рассказа мой собеседник ни разу меня не перебил, но по выражению его лица было заметно, что он его не убедил. Я бы и сам не поверил в такое, если бы кто-нибудь нечто подобное стал рассказывать мне.

– Чтобы моя история не казалась вам вымыслом, я хочу показать вам некоторые артефакты, так сказать, вещественные доказательства, – сказал я и выложил на стол сотовый телефон, часы, банковские карты.

Юрий Алексеевич с недоумением смотрел на разложенные на столе предметы. Его можно было понять: часы как часы, какой-то неизвестного предназначения прибор, какие-то карточки... Я взял в руки сотовый телефон, включил его и показал светящийся экран Юрию Алексеевичу.

– Это портативный телефон, который работает без проводов. В мое время такие аппараты есть почти у каждого, даже у детей. Кроме того, они выполняют массу других функций – все их трудно перечислить. Назову самые главные: телефон, с помощью которого можно говорить с любой точкой мира, а при помощи специальной программы – даже с видеоизображением,

фотоаппарат, кинокамера (если бы я сказал «цифровая видеокамера», меня бы просто не поняли), радиоприемник, телевизор, универсальный справочник, магнитофон, переводчик и многое другое. Кроме того, этот маленький прибор хранит в своей памяти массу текстов, фотографий, музыкальных произведений. Трудно во всё это поверить? Понимаю вас. Но не надо забывать, что за прошедшие полвека технический прогресс ушел далеко. И это я вам сейчас продемонстрирую. Прочтите для начала дату, которую видно в правом верхнем углу экрана» 30 сентября 2011 года.

– О, господи! – Юрий Алексеевич не мог сдержать эмоций. – Вы хотите сказать, что прибыли из 2011 года?

– Именно так. И я вам это сейчас докажу. Вот взгляните на эти фотографии – они сделаны мной совсем недавно на улицах нашего города. Узнаете? Это Советская улица. В 2001 году ее центральная часть получила имя Юсупа Абдрахманова, главы правительства Советского Кыргызстана 1927-1933 годов. Он был расстрелян в 1938-м, посмертно реабилитирован в 1958-м. О том, что это именно улица Советская, свидетельствует часть старого, хорошо вам знакомого двухэтажного дома, которое сейчас, в 1956-м, и последующие несколько десятилетий занимает школа № 5 с преподаванием на кыргызском языке. А вот все остальные высотные дома вам незнакомы – они построены уже в XXI веке.

Потрясенный редактор, не отрывая взгляда, смотрел на снимок. От напряжения не его лице выступил пот. Трясущейся рукой он достал из кармана платок, вытер лицо, затем обхватил руками голову и долго сидел, не говоря ни слова. Придя в себя, обратился ко мне:

– У вас есть другие фотографии?

– Конечно. Вот, пожалуйста!

На сотке у меня хранилось около 20–25 снимков. Юрий Алексеевич с большим интересом и вниманием стал рассматривать их. Он узнавал знакомые места, восхищался красивыми домами и негодовал, когда на месте старых, имевших историческую ценность зданий, обнаруживал новые – серые, безликие строения. В целом, Юрий Алексеевич остался недоволен видом нового города:

«Несмотря на ряд удачных построек, – сказал он, – чувствуется, что город застраивался без генерального плана, т. е. бессистемно, – отсюда эклектика, смешение стилей, а порой и откровенная безвкусица. Радует только обилие зелени, цветов, фонтаны». Я согласился с ним и ознакомил его с другими вещами, в частности, с банкнотами независимого государства – Кыргызстана.

– Как так «независимого»? – поразился Юрий Алексеевич. – А как же Советский Союз?

– Советского Союза давно уже нет – в 1991 году он распался.

– Да быть того не может! Вы шутите. А что же тогда стало с Россией, другими союзными республиками? Да и как всё это произошло?

Я уже собрался рассказать потрясенному собеседнику о том, что произошло в мире за последние полвека, но в этот момент в прихожей скрипнула дверь – это пришла с работы сестра Юрия Алексеевича Валентина. Она работала корректором в одном из издательств города и, когда была срочная работа, возвращалась домой поздно.

Появление сестры вернуло Юрия Алексеевича в действительность. Хорошо воспитанный, он быстро взял себя в руки и, ничем не выдав своего душевного состояния, несколько старомодно представил нас друг другу:

– Прошу любить и жаловать: Дмитрий Борисович, преподаватель университета.

– Валентина Алексеевна, моя сестра.

После церемонии знакомства Валентина Алексеевна предложила мне отужинать вместе с ними и пошла хлопотать на кухню.

Мы продолжили прерванный разговор. Не желая сильно огорчать Юрия Алексеевича, я пропустил наиболее драматические события, которые пережила страна по второй половине XX – начале XXI века, но и то, что рассказал, повергло моего собеседника в шок. Он сокрушенно качал головой и долго не мог прийти в себя. Потом вздохнул и сказал:

– То, что СССР рано или поздно прекратил бы свое существование, – этого следовало ожидать. Но не таким же образом!

Бедный наш народ – сколько ему пришлось пережить и через что пройти!

– Могу сообщить вам приятную весть: скоро начнется реконструкция центральной части города, ваш дом будет снесен, а вы получите квартиру со всеми удобствами в новом микрорайоне. Я знаю, что вы большой любитель классической музыки, поэтому хочу предложить вам что-нибудь послушать. Чью музыку вы хотели бы услышать?

– Если можно, Рахманинова.

– Прекрасно. У меня как раз есть запись одной из его прелюдий, – сказал я и включил свой «смартфон».

Зазвучала музыка. Юрий Алексеевич, как зачарованный, смотрел на сотку, не находя слов, чтобы выразить свое восхищение. Его состояние мне было понятно – в то время не существовало даже портативных приемников, не говоря уже о магнитофонах, а тут крошечный прибор размером с карточную колоду издавал такие ясные и чистые звуки – было чему изумляться. Когда прелюдия закончилась, я выключил сотку и положил ее в карман.

– Это было прекрасно! – воскликнул Юрий Алексеевич и после небольшой паузы продолжил. – Я вот о чем подумал, Дмитрий Борисович: давайте пока не будем посвящать мою сестру в вашу историю. Она женщина впечатлительная, и это будет для нее большим потрясением. Как вы считаете?

– Полностью с вами согласен.

– И еще. Как я понимаю, вам сейчас некуда идти, поэтому предлагаю несколько дней пожить у нас, а там видно будет.

– Огромное спасибо! Я как раз хотел вас об этом просить, но вы опередили меня.

– Ну и ладушки. А сейчас давайте поужинаем, – я уже чувствую запах кофе.

На пороге показалась Валентина Алексеевна.

– Ужин готов, – сказала она и поставила на стол поднос с кофейными приборами.

После ужина Валентина Алексеевна извинилась и ушла в свою комнату – ей нужно было еще вычитать рукопись и вернуть

ее завтра утром в издательство, а мы с Юрием Алексеевичем проговорили, наверное, более двух часов и легли спать далеко за полночь.

Я долго не мог уснуть – ворочаясь в постели, вновь и вновь прокручивал в памяти события минувшего дня. Но больше всего меня беспокоили мои близкие, как они восприняли моё внезапное исчезновение? Обзванивают, наверное, всех, кого только можно, волнуются, переживают. Ужасно. А я не могу им позвонить.

Наконец усталость взяла своё, и я словно провалился в тяжёлый, полный каких-то фантастических видений сон.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Трудно быть в СССР человеком без паспорта

Утром меня разбудил лай собаки.

Открыв глаза, какое-то время не мог понять, где нахожусь. Наконец, вспомнил события прошлого дня, и сердце вновь охватила тревога. Да, попал я в переплет – хуже и не придумаешь! Надо же: ни с того ни с сего, словно в фантастическом романе, оказаться вдруг в далеком прошлом. Конечно, интересно побывать в прошлом, увидеть город твоего детства, людей того времени, а потом, когда все это надоест, снова вернуться в настоящее. Однако именно этой возможности у меня не было. Что же мне делать, как быть? Ответа я не находил.

Я выглянул в окно. Сквозь ветви дерева пробивались лучи восходящего солнца, а по двору неторопливо, по-хозяйски поглядывая по сторонам, расхаживал петух. Послышался тихий стук в дверь – это был Юрий Алексеевич.

– Доброе утро! Как спали?

– Спасибо, неплохо, только вот заснуть долго не мог.

– Я тоже. Минут через десять будем завтракать, а потом мне нужно будет идти на работу. А какие планы у вас?

– Да никаких особых нет. Продолжу знакомство с городом моего детства, побываю в памятных для меня местах, заодно обдумаю, как решить одну волнующую меня проблему.

– Что ж, план неплохой, только будьте, пожалуйста, поосторожнее. А что это за проблема у вас, если не секрет?

– У меня нет никакого документа...

– Это действительно проблема – отсутствие одного только вызовет подозрение. Ну, хорошо, мы что-нибудь придумаем.

После завтрака я на всякий случай оставил все «компрометирующие» меня предметы у Юрия Алексеевича – мобильный телефон, банковские карточки, киргизские деньги, взяв с собой только нужные мне часы.

В целях безопасности решил избегать людных мест и вообще не ходить по центру города, а отправиться куда-нибудь подальше. Немного поразмыслив, решил, что лучше Карагачевой рощи мне места не найти. Юрий Алексеевич мой выбор одобрил и предложил мне надеть его старую серую куртку и кепку.

После завтрака – омлет и чай с вареньем – я поблагодарил радушных хозяев и отправился на прогулку по городу.

В конце сентября уже нет летней жары, воздух чист, а в арыках весело журчит прохладная вода. Я вышел на улицу Фрунзе и взял курс прямо на восток. Справа от меня находился парк имени Панфилова, а слева – неказистые одноэтажные домишки частной застройки. Пройдет время, дома снесут, а на их месте построят три башни-семиэтажки для больших начальников. Эти построенные в 1984 году башни в народе назовут по имени популярной советской эстрадной песни «Уч кудук» («Три колодца»).

Вспомнилась уже подзабытая скандальная история конца 1985-го года. Как-то ранним утром прохожие и жильцы «Уч кудука» обнаружили на одном из зданий написанные яркой краской надписи «Дома – рабочим» и «Это дома слуг Усубалиева». Что тут было! – понаехали спецслужбы, началось расследование, но злоумышленников так и не нашли. Надпись, конечно, закрасили, но пятна на ограждениях лоджий еще долго напоминали горожанам о том экстраординарном инциденте.

Вскоре я подошел к капитальному одноэтажному дому, в котором располагался музей героя революции, командарма Михаила Васильевича Фрунзе. Он был уроженцем Пишпека, как тогда именовался город, а после его смерти был переименован, сначала ненадолго, на несколько месяцев, во Фрунзеград, а затем на целых 65 лет во Фрунзе, пока не стал в феврале 1991-го Бишкеком.

«Что ж, – сказал я сам себе, – скромно и достойно по сравнению с тем, что мы имеем сегодня, – помпезным современным мемориальным домом-музеем, где от бывшего дома, в котором некогда прошли детские и юношеские годы Михаила, принадлежавшего тогда его отцу – уважаемому в городе человеку, фельдшеру Василию Фрунзе, не осталось и следа».

На его же месте городские власти в 1967 году воздвигли большую трехэтажную коробку, а оставшуюся после сноса мемориального дома какую-то хозяйственную постройку под камышовой кровлей стали выдавать за дом, в котором родился Миша Фрунзе. По замыслу архитектора эта постройка оказалась стоящей посреди зала на первом этаже музея.

Так, никуда не спеша, я дошел до Советской улицы. Здесь меня ждал приятный сюрприз – все новые, построенные в 60-х – 80-х годах прошлого века дома исчезли, и улица приобрела свой первозданный вид. Дома здесь были одноэтажные, и построены они были еще до революции. Кроме углового здания с наличниками, в котором разместилась детская библиотека, все остальные дома были магазинами. Естественно, здесь царил оживление. Я свернул на Советскую и пошел по ней на север, т. е., как говорили в Пишпекке и во Фрунзе и как говорят в Бишкеке, – «вниз».

А вот и хорошо знакомый мне книжный магазин со странным названием «КОГИЗ» (расшифровывалась эта аббревиатура просто: «Книготорговое объединение государственных издательств»). В свое время я часто заглядывал сюда. Поддавшись неожиданно порыву, я поднялся по ступенькам и вошел в магазин.

Внутри было тихо и немногочисленно. По периметру просторного зала с высокими потолками расположились разные отделы магазина. Справа от входа находился отдел художественной

литературы, памятное для меня место – именно здесь, еще учась в старших классах школы, я стал покупать книги для своей библиотеки. И таких любителей чтения с каждым годом становилось всё больше и больше.

В первые послевоенные годы подавляющему большинству горожан было не до книг – на них просто не оставалось средств в семейном бюджете: все деньги уходили на питание и покупку предметов первой необходимости. Однако к середине 50-х годов ситуация стала меняться. Страна, испытывавшая в течение многих лет настоящий книжный «голод», стала наполняться книжной продукцией. Издательства, включая местные, печатали пользовавшиеся спросом населения издания – романы Александра Дюма, Виктора Гюго, Майна Рида, Фенимора Купера и многое другое. Наконец, после долгого перерыва были переизданы романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». «Вот как надо писать книги», – говорил один мой юный сосед, восхищенный приключениями Остапа Бендера.

Люди стали посещать библиотеки, подписываться на литературные журналы «Новый мир», «Москва», «Нева», «Роман-газета», «Юность», брать книги у знакомых и друзей. Помню, с каким азартом и даже с упоением мы, школьники, зачитывались «Островом сокровищ» Стивенсона, «Детями капитана Гранта» Жюль Верна, «Графом Монтекристо» и «Тремя мушкетерами» Дюма, «Всадником без головы» Майна Рида, «Человеком-амфибией» Александра Беляева, как обсуждали их с друзьями, как переживали за героев этих книг, когда они попадали в затруднительные ситуации. Моей любимой книгой того времени была трилогия Владимира Беляева «Старая крепость». Ну, а дальше пошли Джек Лондон, Марк Твен, Теодор Драйзер, Ги де Мопассан, Эмиль Золя, Эрнест Хемингуэй. Правда, увлечение чтением нередко шло в ущерб школьным занятиям.

Однако посещение книжного магазина вызвало у меня и совсем другого рода воспоминания. Именно здесь у моего отца ловкий вор-карманник вытащил бумажник с деньгами, почти всю зарплату.

Припомнился и другой эпизод, который случился со мной в 70-х годах.

Как-то я стоял у прилавка, увлеченно знакомясь с книжными новинками, когда в магазин зашли новые покупатели, судя по голосам, женщины. Они стали около меня и начали рассматривать книги. Неожиданно одна из них о чем-то спросила другую, причем ее голос звучал не справа и не слева от меня, а прямо надо мной. Что за наваждение! Я поднял голову вверх и чуть ли не в полуметре над собой увидел лицо довольно симпатичной девушки. В этот момент послышался голос ее собеседницы, и тоже сверху. Тогда я отошел от прилавка и, к своему громадному удивлению, увидел целую группу очень высоких, стройных, подтянутых девиц. Каждая из них была ростом под два метра, а может быть, и выше.

– Ну и компания, – подумал я. – Откуда они только взялись! Вечером того же дня я услышал по радио, что в нашем городе открылся Всесоюзный чемпионат по баскетболу среди женщин.

Я вышел из магазина и пошел дальше по Советской. Магазины здесь следовали один за другим – «Военторг», «Подарки», «Продовольственный», «Аптека», «Оптика». С противоположной стороны улицы хорошо просматривались вывески других торговых точек города – «Мясо», «Ткани», «Динамо», «Одежда». Дойдя до улицы Кагановича (год спустя она стала улицей Иваницына), я свернул направо. Здесь тоже были магазины – «Канцтовары», «Промтоварный», «Ювелирный», комиссионка, а прямо за ними находился большой, вымощенный камнем пустырь с одноэтажным зданием – автостанцией.

Когда мы были мальчишками, летом часто ходили купаться на расположенное в Карагачевой роще Комсомольское озеро. Купальный сезон в те годы начинался рано – в начале мая. Первого мая горожане шли на демонстрацию, а на следующий день – в Карагачевую рощу, на пикник. Вода в озере была еще не совсем теплой, но мальчишек, да и кое-кого из взрослых, это не останавливало: главное, набраться мужества и войти в воду, а далее всё будет прекрасно. Ну а в летнее время на озеро шли,

спасаясь от жары. Целый день мы плавали, плескались, ныряли, грелись на солнышке, загорали, играли в мяч, а если были деньги, то складывались и брали напрокат лодку. Возвращались домой ближе к вечеру – голодные, но счастливые.

Всё это я вспомнил, подходя к старому кинотеатру «Кызыл Кыргызстан» и находившейся рядом с ним невзрачной на вид одной из первых гостиниц города под названием «Дом дехканина». Отсюда наш путь лежал прямо на север по вымощенной булыжником Алма-Атинской улице (нынешняя улица Усенбаева), которая заканчивалась у пешеходного моста через БЧК (Большой Чуйский канал). В этом районе города еще многое сохранилось с дореволюционных времен – дома со ставнями и затейливыми резными наличниками, крылечки с чугунными решетками, купеческие торговые ряды, каменные дома зажиточных горожан (конечно, реквизированные).

Вот и улица Ленина, бывшая Ташкентская, с хорошо сохранившимся двухэтажным зданием бывшей женской прогимназии – жаль, что его снесут. Впрочем, здесь что ни дом, то памятник старины – ведь именно с этой улицы, бывшей раньше караванной дорогой, началось строительство нового населенного пункта, получившего в 1878 году статус уездного города – Пишпека. Сейчас от него мало что осталось.

Но одно, пожалуй, самое старое здание города простояло еще более полувека, пока его зачем-то не снесли – в нем когда-то размещалась конно-почтовая станция.

Перейдя через улицу Ленина, я продолжил движение по той же Алма-Атинской, что несколько лет спустя стала улицей Усенбаева.

Приятно было узнавать знакомые с детства места, которые давно уже не видел. Вот школа номер десять – обычное типовое здание – безликое и неухоженное, зато с другой стороны улицы находился объект поинтереснее – автобаза, где, помимо всего прочего, продавались легковые автомобили «Москвич» и «Победа». Но в частные руки такие машины попадали редко, разве что по специальной разнарядке райисполкома или военкомата.

Я знал только трех счастливиц, имевших «Москвича», – это были дирижер оперного театра Ростислав Миронович, наш учитель физики Анатолий Сапожников по прозвищу Костыль (он ходил с палочкой) и комендант нашего дома дядя Кирюша – люди заслуженные, фронтовики.

Далее ничего особо интересного не было. Так, незаметно мы доходили до БЧК. Прорытый методом массовой народной стройки в годы войны, он медленно нес свои мутные, глинистого цвета воды на поля Чуйской долины. В канале тоже можно было купаться, но мы предпочитали Комсомольское озеро, поскольку вода в нем была чище и теплее. Она поступала из того же канала, но проходила предварительную очистку в другом водоеме, который почему-то именовали «Пионерском озером», выполнявшим функцию водоотстойника.

Пешеходный мост через канал построили в середине 50-х годов, а до этого попасть в Карагачевую рощу можно было либо в обход (по Советской, где был автомобильный мост), либо по проходившей через канал железной трубе, что мы, мальчишки, и делали. Конечно, был риск потерять равновесие и свалиться в воду, но такое случалось редко.

Однажды здесь произошел презабавный случай: мы возвращались с купания домой, и один наш товарищ, чтобы не идти по городу в мокрых трусах, решил отжать их прямо на трубе. Вот тут-то и случилось непредвиденное, балансируя, чтобы не упасть, он выронил снятые трусы, которые тут же были подхвачены течением и вскоре скрылись из виду. Что же делать? Идти по городу без трусов в одной майке было стыдно. Ждать наступления темноты? Тоже не подходит – долго ждать. Кто-то предложил надеть майку вместо трусов. Попробовали – ничего не получилось. Но мальчишки – народ изобретательный: посоветовали парнишке сделать из майки комбинезон: натянули майку на нижнюю часть тела, а чтобы она не задиралась, связали ее концы найденным где-то куском бечевки, пропустив его между ног. Так и доковылял бедолага до дома и, как мы потом узнали, получил хорошую взбучку от отца.

А вот и знакомый мостик – от него до озера рукой подать. В этот теплый осенний день озеро выглядело прекрасно. Купальный сезон уже кончился, поэтому людей здесь почти не было. Кто-то возился около лодочного причала, да еще на другой стороне озера я заметил стайку мальчишек с удочками – по-видимому, пришли порыбачить. От долгой ходьбы я устал и решил немного отдохнуть. Присев на травку возле росших на пригорке тополей, я залюбовался видом на озеро и окружавшую его густую растительность. Вспомнились дни далекой молодости, когда, уже повзрослев, вместе с друзьями весело проводили время, как ходили на озеро, катались на лодках, ныряли в воду с трамплина, а вечером шли на танцы в парк имени Панфилова. Давно это было.

Я и не заметил, как задремал, а когда проснулся, солнце уже стояло высоко в небе, а у озера появились люди, похоже, это были школьники, пришедшие сюда со своим учителем физкультуры. Быстро раздевшись, они вошли в воду и поплыли в сторону небольшого островка, находившегося посреди озера. «Хорошо бы искупнуться, – подумал я, но купальных принадлежностей у меня с собой не было, – а вот пообедать не помешало бы».

Я решил вернуться в город, но не пешком, а на троллейбусе. От озера к Советской, где ходил общественный транспорт, вела хорошо протоптанная дорожка. Пройдя по ней пару сотен метров, я вышел к какому-то переулку, который и привел меня прямо к остановке.

Здесь уже скопился народ, терпеливо ожидавший прихода троллейбуса. Я еще раз обратил внимание на то, как бедно и безлико одевались люди. Минут через десять подошел троллейбус № 4, который ехал по Советской, потом сворачивал направо и прямо по Московской шел до конечной остановки – «Мясокомбинат». Такие машины давно уже сняты с эксплуатации – тесные, неудобные, с маленькими оконцами и жесткой подвеской, но в те времена никто этого не замечал, а, наоборот, гордились, что у нас в городе есть такой вид транспорта, с удовольствием на нем ездили, явно предпочитая троллейбус автобусу.

Проехав пять-шесть остановок, я вышел около городской больницы и кратчайшим путем пошел в шестую столовую. Официантка, узнав меня, заулыбалась (вчера я ей оставил щедрые чаевые), быстро приняла заказ и посоветовала мне взять цыплята-табака: «Они у нас сегодня удачные», – добавила она. И действительно, цыплята оказались отменными – сочные, с хрустящей корочкой. В сочетании с бутылочкой «Жигулевского» это было просто чудесно. Уходить я не спешил, а поэтому заказал еще кофе со сливками. Я снова стал обдумывать свое положение. Особенно меня тревожили мысли о семье – ведь я ни разу в жизни никуда не пропадал. Если где-то и задерживался, то всегда звонил, предупреждал, а тут вдруг – раз и бесследно исчез. Страшно даже подумать, что сейчас мои близкие переживают!

Я уже собрался выйти из столовой, когда решил взглянуть на себя в зеркало, висевшее рядом с окном выходившем на улицу. И тут мой взгляд случайно упал на двух мужчин, о чем-то разговаривавших у входа в столовую. Один из них, стоявший ко мне спиной, неожиданно повернул голову вправо, и – о ужас! – я узнал в нем парня из ювелирной мастерской. Вместо серых брюк и клетчатой рубашки на нем был светлый летний костюм с галстуком, к тому же он подстригся. Тем не менее я его сразу узнал. Что же мне делать? Встретаться с парнем, ходившим вчера за мной по пятам, мне как-то не хотелось.

Вернувшись в зал, я нашел свою официантку и попросил ее помочь мне выйти через служебный вход. Не задавая лишних вопросов, умная женщина провела меня через подсобные помещения и подвела к выходу на смежную улицу. Я был спасен.

На улице Панфилова были тишь и благодать – кругом частные дома, сады, обилие зелени (ведь не случайно же до 1941 года она называлась Садовой). Прохожих здесь почти не было. Но через квартал пейзаж резко сменился: вместо садов теперь можно было любоваться лишь видом на городскую тюрьму. Она находилась на небольшом возвышении, образованным остатками древних курганов и была окружена высокой стеной с колючей проволокой поверху. По углам стен были оборудованы сторожевые

вышки. Помню, как мальчишкой с живым интересом поглядывал на часовых, видневшихся на вышках. В городе похаживали слухи, что несколько заключенных сделали подкоп и бежали из тюрьмы. «Как бы самому не оказаться там, – подумал я и ускорил шаг, – в моем положении это проще пареной репы, ведь не зря же говорят “от сумы и от тюрьмы на зарекайся”».

С южной стороны тюрьма почти соседствовала с музыкальным училищем, из окон которого доносились звуки музыки. Миновав училище, я оказался на уже знакомой мне троллейбусной остановке. И тут мне в голову пришла идея проехать на троллейбусе до конечной остановки «Мясокомбинат». В тех краях я не раз бывал и хорошо их знал – там когда-то жил мой школьный товарищ Вася.

Глядя через окно на знакомые городские кварталы, я немного успокоился и стал размышлять о сложившейся ситуации. Меня удивило, что мой вчерашний преследователь так открыто подждал меня у входа в столовую. И меня ли он ждал? А может быть, он просто пришел туда, чтобы отметить с друзьями какое-то событие – ведь не зря же он надел костюм с галстуком. В любом случае, искать меня на городской окраине он вряд ли будет.

Доехав до конечной остановки, троллейбус сделал полукруг и остановился. Все пассажиры вышли. Я никуда не спешил, поэтому вышел последним. Осмотрелся. Прямо напротив остановки возвышалось неоштукатуренное здание комбинатского холодильника, а перед ним, ближе к тротуару, находился клуб, в котором по вечерам демонстрировались кинофильмы. В этом месте улица Московская (до 1954 года – Пионерская) заканчивалась, она как бы переходила в центральную аллею парка имени Юлиуса Фучика – большого, тенистого, но еще не облагороженного зеленого массива.

Неподалеку от остановки находился принадлежавший мясокомбинату деревянный ларек – в нем раз в неделю продавали кости. Для бедных людей, живших по соседству с комбинатом, этот «продукт» был подобен манне небесной: кости стоили копейки. Однако купить их было непросто – нужно было занять очередь

с вечера, а потом, еще до рассвета, прийти на переключку и, никуда не отлучаясь, ждать, когда подвезут кости и их начнут продавать. Хорошо, если всё это происходило в теплое время года, а зимой, в мороз? Народу собиралось много, поскольку в одни руки отпускали всего три килограмма продукта и, чтобы купить побольше, люди приводили с собой детей.

Наконец, ларек открывался, и очередь оживала. Торговля шла бойко, и через полчаса около ларька никого уже не было. Счастливые обладатели мясного продукта расходились по домам и там всей семьей приступали к его разделке. Остатки мяса тщательно отстругивались от костей и складывались в чашку – они пойдут на пельмени, котлеты, а из костей будут вариться наваристый бульон, разнообразные супы. Если попадались коленца, то из них варили холодец. В общем, ничто не пропадало. Все были довольны – и люди, и собаки: для них это был настоящий праздник. Вот такие грустные мысли пришли мне в голову при виде ларька.

Я перешел дорогу и оказался в парке. Здесь было тихо и спокойно, только на зеленой лужайке весело резвились дети. Людей было мало, да и кто пойдет в парк в такое время – вот вечером здесь будет повеселее. Я прошел через весь парк с конца в конец и вышел к одноэтажному зданию – клубу завода имени Фрунзе. Здесь работал киоск Союзпечати. Купив газету «Советская Киргизия», я присел на скамейку и углубился в чтение. Оно так захватило меня, что я не заметил, как ко мне подошел прилично одетый мужчина лет 50–55-ти. «Вы не позволите мне присесть рядом с вами?» – спросил он. Я не возражал. Мужчина поблагодарил меня, сел на край скамейки, достал из кармана небольшую книжку и стал читать ее. Некоторое время мы сидели молча, а когда я отложил газету, он поинтересовался:

– Что интересного пишут?

– Да вот, прочел рецензию на новую постановку в театре оперы и балета оперы Чайковского «Пиковая дама».

– О, вы любитель оперы! Замечательно! А я больше люблю балет, в школьные годы даже ходил в танцевальный кружок Дворца пионеров.

– Ну и каковы были успехи?

– Неплохие. Один раз на конкурсе за исполнение «Украинского гопака» получил приз. Но потом окончил школу, поступил в университет, окончив его, стал работать, женился, пошли дети, не до танцев стало. А вот в театр ходить люблю, особенно на балетные постановки.

Мы познакомились, представившись по имени-отчеству. Моего собеседника звали Виктор Тимофеевич. Он много лет преподавал в техникуме, а недавно вышел на пенсию. Я старался больше слушать его, а о себе особо не распространялся. Разговор постепенно перешел на город, проблемы его развития. Неожиданно Виктор Тимофеевич спросил:

– Вы не скажете, который час?

– Без четверти три, – ответил я, глянув на часы. И тут же пожалел, но было поздно – зоркий собеседник успел разглядеть часы:

– О, какие интересные у вас часики, – я таких еще нигде не видел. Да и браслет тоже необычный. Часы, знаете, – моя давняя страсть.

– Ничего особенного – купил как-то по случаю в Москве в комиссионке.

– Разрешите взглянуть?

– Извините, мне срочно нужно идти – я уже опаздываю на важную встречу.

Я встал, суетливо попрощался и быстрым шагом пошел в сторону остановки. Да, нехорошо я поступил со своим новым знакомым, но, кто его знает, что это за человек, хотя произвел он на меня хорошее впечатление. В любом случае, показывать ему часы не стоило – уж слишком необычными были они для того времени – показывали дни недели и число, могли использоваться как секундомер, но, главное, их не нужно было заводить, часы подзаряжались от света. Они были выпущены в США, а купил я их во время круиза вокруг Европы.

Выйдя из парка, я заметил, что у кассы кинотеатра толпился народ, а когда подошел ближе, увидел красочный рекламный щит с батальной сценой из французского фильма «Фанфан-Тюльпан».

Недолго раздумывая, купил билет и прошел в кинозал. Здесь было все также, как в и годы моего далекого детства: тесноватый зал с обшарпанными стенами и старыми деревянными креслами. Фильм еще не начался, зал постепенно заполнялся.

Интересно, что до войны в клубе действовал хоровой кружок, руководил которым композитор и дирижер, создатель оркестра кыргызских народных инструментов Петр Шубин, а среди участников хора был голосистый паренек, работник колбасного цеха мясокомбината Кадырбек Чодронов. Шубин заметил талант молодого певца и стал с ним заниматься, а спустя некоторое время порекомендовал его для работы в хоре оперного театра. Далее последовали выступления на сцене, вначале как хориста, а затем и солиста, учеба в Московской консерватории, успешная многолетняя работа в качестве ведущего солиста оперной труппы и, наконец, присуждение Чодронову почетного звания народного артиста республики.

«Фанфан-Тюльпан» я смотрел в детстве, потом, уже став взрослым, по телевизору. Фильм мне нравился: остроумный, динамичный, хорошо снятый, с отличными актерами, поэтому смотрел я его с удовольствием. Понравился мне и демонстрировавшийся перед сеансом киножурнал «Советская Киргизия».

Когда фильм закончился, шел уже шестой час. Прежде чем сесть в троллейбус, я заглянул в небольшой продуктовый магазин, где купил кое-что из кондитерских изделий и бутылочку вина. На остановке уже собрался народ, возвращавшийся по домам после работы. Вскоре подошел троллейбус, который и доставил меня к скверу, неподалеку от пересечения Московской с улицей Ворошилова (как тогда называлась улица Тоголока Молдо), и пошел прямо по ней вниз. Любопытно было идти мимо домов и прочих объектов, о существовании которых редко кто помнит. Ну взять хотя бы огромный пустырь у больничного комплекса, на котором сейчас пацаны играют в футбол. Пройдут года – и на его месте появится поликлиника, а затем и массивное здание Института кардиологии.

Вид пустыря напомнил мне один случай, происшедший с нашим родственником Вениамином в конце 40-х годов. В то время он, бывший фронтовик, офицер, преподавал в техникуме и после занятий возвращался домой. Было уже темно и, чтобы сократить путь, он пошел прямо через пустырь – место безлюдное и опасное. Но молодой мужчина не боялся – при нем был сохранившийся с военных лет пистолет. И вот, когда пустырь уже почти был пройден, из темноты показались два коренастых типа. Один из них, держа в руке нож, приказал: «А ну, давай выкладывай всё, что есть!» – и угрожающе замахнулся ножом. Фронтовик среагировал мгновенно и выстрелил в бандита, затем в другого. После этого он пошел в ближайшее отделение милиции, сдал свой пистолет и рассказал о случившемся. Вскоре выяснилось, что один из двух грабителей был убит, а второй – ранен. Он был задержан.

Конец этой истории таков: состоялся суд, был вынесен приговор, а когда его зачитали, с задних рядов суда послышались выкрики с угрозами в адрес Вениамина. Оказывается, убитый бандит был важной фигурой в преступном сообществе, и милиция долго не могла выйти на его след. После суда следователь посоветовал Вениамину побыстрее уехать из города: бандиты такое не прощают. Через некоторое время он вместе с семьей перебрался в Алма-Ату.

Вообще криминогенная обстановка в Киргизии после знаменитой «бериевской» амнистии 1953 года, когда из мест заключения было освобождено более миллиона уголовников, была довольно сложной. Республика наполнилась преступниками, которые терроризировали население. Процветали воровство, грабежи, разбой. Обчищали квартиры, угоняли велосипеды, срывали шапки с голов. Были и серьезные преступления. Милиция, по мере сил, боролась с преступностью, и постепенно обстановка несколько улучшилась. Однако ходить ночью по городу, особенно в одиночку, люди боялись.

За улицей Токтогула мой путь проходил вдоль казарм воинской части, а по левую сторону улицы стояли одноэтажные частные дома и бараки. Через три квартала я дошел до центральной

магистрала города – улицы Сталина. Кинотеатра «Россия» тогда и в помине не было, зато существовал длинный двухэтажный дом, в котором находился какой-то загадочный «ВИТИМ». Что это такое, можно было узнать, подойдя поближе к вывеске, где мелкими буквами значилось: «Всесоюзный институт табака и махорки». Вот так парадокс: сейчас редко встретишь человека, который бы знал, что такое махорка, тем более чтобы ее курил, а в те годы изучением этого растения, дальнего «родственника» табака, занимался целый штат сотрудников научно-исследовательского заведения, со всеми его кандидатами и докторами наук.

Причина повышенного интереса ученых к проблемам табака и махорки была объяснима – табаководство в те годы в СССР было поставлено на промышленную основу, поскольку значительная часть населения страны курила. В Киргизии, например, табак возделывали в Таласской области, а дальнейшей его обработкой и выпуском табачных изделий занималась находящаяся во Фрунзе табачная фабрика.

С курением тогда никто не боролся, а наоборот, оно как бы негласно поощрялось. Табачные изделия продавались повсюду и были рассчитаны на любой кошелек. Малоимущие курили махорку или сигареты «Памир» (их еще прозвали «Нищий в горах»). Кто был чуть побогаче – «Приму» или папиросы «Беломорканал». Далее шли те, кто мог себе позволить «Казбек» или «Тройку». Ну а самые состоятельные курильщики отдавали предпочтение продукции московской табачной фабрики – «Наша марка», «Три богатыря», «Герцеговина-Флор» и др. Не забывали и о любителях трубочного курения (еще бы: трубку курил сам товарищ Сталин!); для них выпускались табаки самых разных сортов. Кроме многочисленных табачных киосков, в крупных городах страны имелись и специализированные табачные магазины.

В конце 50-х годов во Фрунзе появились сигареты болгарского производства – «Шипка», «Вега», «Родопи», «Витоша», «Интер» и др. Вначале их можно было купить только в магазине для военнослужащих, расположенном в бревенчатом доме старых военных казарм 1878 года, на пересечении улиц Токтогула

и Логвиненко. Болгарские сигареты по качеству были лучше отечественных, им и отдавали предпочтение. Вскоре появились и сигареты с фильтром, что значительно снижало содержание никотина в дыме и делало курение более комфортным.

Так, вспоминая и сравнивая город прошлого с настоящим (или наоборот?), я дошел до улицы Фрунзе, ну а от нее до дома Юрия Алексеевича было уже рукой подать.

Меня встретили радушно, как близкого человека. Валентина Алексеевна во второй половине дня отпросилась с работы и приготовила хороший ужин, так что мое вино и сладости пришлось к месту. Пока Валентина Юрьевна хлопотала на кухне, мы с Юрием Алексеевичем прошли в сад, и я вкратце рассказал ему о том, как провел день. Когда же я дошел до знакомства в парке Фучика с любителем балета Виктором Тимофеевичем, мой собеседник заметно оживился и глаза его заблестели. Затем заулыбался и наконец, не выдержав, сказал:

– Да, не совсем красиво получилось – обидели такого душевного человека! Это же мой хороший знакомый, с которым мы нередко встречаемся в театре. Но поступили вы правильно, только нужно было сделать это как-то деликатнее... Да, я подумал и решил, что не надо нам таиться от моей сестры: я ей уже всё рассказал. Она женщина умная и практичная, умеет хранить чужие тайны, так что не беспокойтесь. После ужина покажите ей, пожалуйста, ваш чудесный аппарат и фотографии города.

Мы прошли в столовую, где уже всё было готово к ужину. В центре стола стояло блюдо с котлетами и жареным картофелем, а вокруг него разместились салатницы с закусками и фруктами. Юрий Алексеевич разлил вино по бокалам, и застолье началось. После ужина я продемонстрировал Валентине Алексеевне свой смартфон. Она смотрела на фотографии с огромным интересом, комментировала их. Особенно ее поразили элитные жилые дома, построенные в последние годы в центре города, здание филармонии с прилегающей к ней площадью и орган в одном из ее залов.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Ты играл в ляngu и в альчики?

Утром – это было воскресенье, но почти все магазины работали – я решил пойти в универмаг «Люкс» и купить себе бритвенные принадлежности и кое-что из одежды. Единственное, что меня беспокоило, так это то, что в магазине может оказаться много народа. Об этом я и поведал моему покровителю. Юрий Алексеевич немного задумался, потом внимательно посмотрел на меня и вышел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся, держа в руках какую-то коробочку: «Это театральный грим – в молодости я увлекался театром, – пояснил Юрий Алексеевич. – Немного грима, и вас трудно будет узнать». И он взялся за дело. Когда работа была окончена, я глянул в зеркало и не сразу узнал себя: на меня смотрел какой-то благообразный старичок, каких часто можно встретить в парках, прогуливающих с внуками или читающих газеты.

В «Люкс» я пошел пешком, благо погода мне явно сопутствовала – было тепло и безветренно. Я прошел через парк Панфилова, вышел к правительственной площади, где по праздникам проводились военные парады и демонстрации, а около средней школы № 3 свернул направо и оказался в Дубовом парке. Здесь мне был знаком каждый уголок. В детстве мы с друзьями ходили сюда посмотреть кино или просто погулять, полакомиться мороженым, а став старше, шли на танцевальную площадку, где можно было не только потанцевать, но и познакомиться с девушками. Сразу за выходом из парка находился кинозал «Хроника», где демонстрировались хронико-документальные фильмы, а чуть подальше – лучший кинотеатр города того времени «Ала-Тоо».

В этот утренний час в парке было тихо и немногочисленно, только в одном укромном местечке близ танцевальной площадки я заметил группу мальчишек, азартно игравших в ляngu. Сейчас вряд ли кто из детей знает эту увлекательную игру, но в те послевоенные годы она была очень популярна не только в Киргизии, но

и в других республиках Средней Азии. Основным атрибутом этой игры была лянга – клочок от шкуры барана, к которому для придания веса прикреплялся кусочек свинца. Лянга должна была всё время находиться в воздухе, а подбрасывать ее можно было только ногами, причем самыми различными способами, которые по ходу игры всё усложнялись. Выигрывал тот, кто первым преодолевал все этапы игры. Судя по используемой в игре терминологии (джанза, джура, люра и др.), она была китайского происхождения.

Другой, не менее популярной и столь же увлекательной, игрой были альчики (восточная разновидность русских бабок). В них играли и дети, и взрослые, но только представители мужского пола – у девочек были свои игры. Существовало несколько разновидностей игр. В самой азартной из них использовалось четыре альчика, которые кидались одновременно, и оттого, какая их сторона оказывалась верхней, определялось количество набранных очков. В эту игру играли только взрослые и, как правило, «на интерес», т. е. на деньги, и порой немалые.

На интерес играли и в карты, и в бильярд. Любимыми карточными играми криминальных элементов и «приближенных к ним лиц» были «Очко» и «Бура». В теплое время года, особенно по выходным, во дворах можно было увидеть увлеченно игравших в лото или домино соседей.

Диапазон игр у образованных людей самых разных профессий был иной: шахматы, шашки, пасьянс, различные карточные игры, среди которых первое место принадлежало преферансу, в который играли учителя, педагоги, врачи, инженеры, люди творческих профессий и многие другие. Среди них было немало известных лиц – народная артистка СССР Сайра Киизбаева, солист оперы Николай Садовский, преподаватель вокала музыкального училища имени Мураталы Куренкеева Евгения Смирнова, известный в городе меломан, любитель оперного пения, инженер-электрик Борис Григорьев и другие.

С западной стороны к Дубовому парку прилегал Центральный сквер, в котором был установлен большой по тем временам фонтан. Вскоре этот уголок сквера стал излюбленным местом

горожан, любивших посидеть тут в тени и прохладе в жаркий летний полдень. Вот и сейчас все скамейки у фонтана были заняты, хотя лето уже прошло и особой жары не было.

Три квартала, отделяющие «Ала-Тоо» от универмага, я прошел за пять минут. «Люкс» уже работал, но народу в нем было немного. Обойдя все нужные мне отделы, я купил кепку, рубашку, смену нижнего белья, две пары носков, носовые платки, бритвенные принадлежности и удобную дорожную сумку, куда и сложил все купленные вещи. Около самого выхода из магазина находился отдел подарков, где среди прочих вещей я увидел мужские галстуки. Один из них выглядел довольно элегантно, и я решил купить его в подарок Юрию Алексеевичу – он бы отлично подошел бы к его черному костюму. После этого я наконец расстался с универмагом, число покупателей в котором заметно увеличилось, занес вещи в дом Юрия Алексеевича и отправился на прогулку по городу.

Сегодня я решил посетить университетское общежитие для преподавателей и студентов, в котором мы поселились по приезде в Киргизию в конце зимы 1950 года, затем посмотреть школу, в которой учился, и закончить прогулку у железнодорожного вокзала.

Общежитие находилось на другой стороне бульвара, почти напротив «Люкса». Мы прожили в нем, занимая одну большую комнату, разделенную на две половины фанерной перегородкой, несколько лет, пока не получили отдельную трехкомнатную квартиру в новом доме. С волнением в сердце я подходил к дому, с которым меня связывало множество воспоминаний. Неожиданно я вспомнил отца – он умер в начале 1956 года: если бы я появился здесь на год раньше, смог бы его увидеть. Жаль, но ничего уже не поделаешь! Возможная встреча с мамой и с самим собой была исключена (те, кто меня сюда послал, свое дело знали хорошо) – в то время мы находились в Пятигорске, где мама поправляла свое здоровье, принимая курс водолечения.

Сначала я решил зайти во двор. Он был пуст, только у водопроводной колонки стояла бабушка одного из моих друзей

и набирала воду в ведро. Она скользнула по мне равнодушным взглядом и продолжила свое дело. В это время из подъезда вышла другая женщина с полным тазом постиранного белья. Я узнал ее – это была домработница профессора Турдакова. Женщина прошла к бельевой площадке и принялась развешивать содержимое таза – простыни, наволочки, полотенца. Я присел на скамеечку, стоящую в небольшом скверике перед домом, и продолжил наблюдение. Время от времени из дома выходили знакомые или незнакомые мне люди и через весь двор шли в туалет – он был один на всё общежитие, правда, многоместный, и пользовались им тоже все – от докторов наук до техничек и их детей. Неподалеку от туалета находился другой рассадник мух и болезнетворных бактерий – большой деревянный ящик для мусора и пищевых отходов. Когда отходы вовремя не вывозили, жильцы дома вываливали их прямо на землю, вокруг которых тут же начинали кружить мухи. Борьба с ними велась, но толку от нее было мало. А дети во дворе что-то не появлялись, наверное, играли на бульваре или пошли в кино – день-то был воскресный.

Неожиданно сзади меня кто-то кашлянул. Я обернулся и похолодел: передо мною стояли двое – парень из ювелирной мастерской и невысокого роста женщина лет сорока, которую, мне кажется, я уже где-то видел. Бежать было поздно, да и в моем возрасте это как-то несолидно. Первым заговорил парень:

– Извините, пожалуйста, но вам не надо нас опасаться. Мы, как и вы, пришельцы из будущего. Я – из 1981 года, а Любовь Сергеевна – он кивнул в сторону своей спутницы – из 1990, а вы, как мы предполагаем, из 2010-го. Всего нас в городе четверо человек; вы будете пятым. Мы объединились, чтобы помочь друг другу, – и протянул мне руку:

– Олег Николаевич, для вас – просто Олег.

Я чуть не потерял дар речи – такого поворота событий никак не ожидал. Придя немного в себя, представился:

– Дмитрий Борисович. Вы почти угадали – я из далекого 2011-го. Но как вы меня «вычислили»?

– Ну у нас уже есть некоторый опыт. Человека из другого времени чаще всего выдают поведение, одежда, обувь – позже я расскажу вам об этом подробнее. На вас я обратил внимание, когда вы продавали ювелиру перстень – с такими вещами расстаются только в случае крайней нужды. Когда же вы ушли, я попросил мастера показать мне его. По монограмме мне стали известны ваши инициалы, а это очень ценная информация. Выйдя из мастерской, я вскоре вас догнал. Но позже вам всё же удалось ускользнуть от меня. Правда, на следующий день с помощью наших друзей мы вас всё же нашли и больше уже не теряли.

– Однако приближается время обеда, – заметил Олег, – и, если вы не возражаете, мы можем пообедать вместе в ресторане «Фонтан», где есть отдельные кабинки и нам никто не помешает отметить нашу встречу. Кстати, грим у вас отличный, я даже не сразу вас узнал.

Я тоже заметил, что Олег далеко уже не парень, а молодой мужчина лет 35–37. Мы вышли из двора, пересекли бульвар и оказались прямо у входа в ресторан. «Фонтан» был очень популярным в городе заведением, особенно в теплое время года. Свое название он получил от небольшого фонтана, находящегося в самом центре зала. На некотором расстоянии от него возвышалась эстрада, а с правой стороны располагался общий зал. Вся же левая сторона ресторана была отведена под небольшие, но уютные «кабинеты», один из которых мы и заняли. Здесь к нам присоединились еще двое мужчин – пришельцев из будущего. Таким образом, вся группа, включая меня, оказалась в сборе.

Тут подошла официантка и приняла у нас заказ: салаты, суп-шорпо, шашлыки и бутылку шампанского.

Пока заказанные блюда готовились, нас представили друг другу. Одного из двух мужчин, поджидавших нас на бульваре, звали Вячеславом Михайловичем. На вид ему было лет под пятьдесят; высокий, сухопарый, несколько флегматичный, по профессии художник-график. Его сосед, Сан-Саньч, был полной его противоположностью – невысокого роста, жилистый, с щегольскими усиками и небольшими залысинами на голове. Он постоянно был

в движении, наверное, в силу своей профессии: работал в школе учителем физкультуры. Ну а единственная женщина в группе – Любовь Сергеевна – была врачом-терапевтом, увлекалась гимнастикой йогов. Олег – вот чего я никак не ожидал – оказался научным работником, кандидатом биологических наук, автором нескольких научно-фантастических повестей и рассказов. Все они, кроме Сан-Саныча, были семейными, имели детей. Кроме того, мне стало известно, что раньше эти люди какое-то время жили во Фрунзе, но потом разъехались по разным городам страны, и лишь я всё время жил в городе своего детства.

Наши представления прервала официантка, появившаяся с подносом, плотно заставленным заказанными нами блюдами. Шампанское разлили по бокалам, Олег произнес тост за пополнение группы новым членом, дополнив его словами «и за наше сокровенное!» (как я понял, имелось ввиду возвращение в свое время). Все встали и выпили.

Серьезные разговоры на время прекратились – мы принялись за еду. Надо было отдать должное «Фонтану» – повара здесь свое дело знали хорошо. Я обратил внимание на то, что особого веселья за столом не было. Да и с чего вы ему быть? Все ели молча, а в глазах у каждого светилась затаенная грусть. И лишь один физрук, не унывал, подогревая настроение компании своими шуточками и прибаутками.

В отличие от нашей, в соседних кабинках было шумно и весело – официантки только успевали подносить туда графинчики с горячительным напитком. В Киргизии, как и во многих других республиках страны, было немало любителей выпить. Сосед мой, шахтер по профессии, признавался, что пил он по субботам, и пил «до упора», а всё воскресенье отлеживался, приходил в себя – иначе бы он не смог работать.

Любители спиртного умудрялись пить не только после работы, но и во время работы, и даже до нее. «Мы не начинали занятия, – рассказывал мне знакомый пианист-концертмейстер хореографического училища, – пока не открывался продуктовый магазин и у нас с преподавателем не появлялась возможность

сбегать туда за бутылкой-другой портвейна. И только выпив по стакану, мы начинали занятие по классическому танцу». А куда, вы думаете, они девали пустые бутылки? Бросали под сцену! Представьте только, сколько их там накопилось за несколько лет, если занятия проводились ежедневно?!

Пил горькую и кочегар общежития Иван Романыч, но в отличие от творческих работников пил только в день полочки и после работы. У кочегара была одна характерная особенность: напившись, он начинал произносить речи. Услышав на улице громовой голос Ивана Романыча, мы, мальчишки, тут же бросали свои игры и бежали вслед за ним. Сказать, что наш герой шел пьяной походкой, было бы неверно: Ивана Романыча буквально кидало из стороны в сторону. Порой он накренялся так сильно, что казалось, вот-вот рухнет на землю, но каким-то чудом он все же удерживался на ногах и шел дальше. При этом он не переставал выкрикивать слова, которые были слышны за два квартала.

Речи Ивана Романыча представляли собой дикую смесь, состоящую из политических лозунгов, хроники текущих событий, бранных слов и т. д. Он клеймил немецко-фашистских захватчиков, лидеров буржуазных стран, врагов народа. Самое интересное, что ничего антисоветского в речах кочегара не было: он был патриотом. И, странное дело, милиция его не трогала: Иван Романыч благополучно добирался до дома, отдавал деньги своей «старухе» и ложился отсыпаться. Через день-другой он появлялся на работе и снова брался за лопату – тихий, незаметный, исполнительный.

С общежитием у меня связано и другое воспоминание. Однажды по всему зданию разнеслись громкие крики. Они доносились с первого этажа, где тогда жили студенты. Мы с ребятами кинулись туда, и то, что увидели, повергло нас в ужас. По коридору сломя голову промчался студент, а за ним, выпучив глаза и сжимая в руках огромный нож, неся другой. К счастью, парню удалось забежать в одну из комнат и закрыться там на ключ. В стельку пьяный преследователь стал колотить руками и ногами в дверь, требуя ее открыть. «Ач, ач!» (*кырг.* открой) – кричал он истошным голосом. Но беглец был не дурак и дверь открывать

не спешил, а только в чем-то убеждал товарища. Это еще больше распаяло пьяного. Тем временем кто-то из взрослых позвонил в милицию; она не замедлила приехать, и дебошира тут же повязали. Это событие потрясло меня, да и других ребят, до глубины души. И таких примеров было немало. Да и как им не быть, если борьба с пьянством практически не велась, а пивные и прочие заведения, где можно было купить спиртные напитки, в том числе и на разлив, были на каждом шагу.

Принесли шашлыки из баранины – сочные и вкусные, однако иногда попадались кусочки мяса, которые трудно было прожевать. За ними последовал десерт: зеленый чай и восточная сладость, под названием «чак-чак» – нечто вроде русской «горки».

Постепенно разговор возобновился. Из него я узнал, что группа образовалась сравнительно недавно – всего лишь несколько месяцев назад. Самым старшим в ней был Вячеслав Михайлович, а младше всех – Любовь Сергеевна. У всех членов группы имелись какие-то документы, и заслуга в этом, как я понял, принадлежала уважаемому Вячеславу Михайловичу – ведь не зря же он был художником-графиком. Более того, у всех была крыша над головой, а у самых удачливых – еще и работа.

И еще я узнал, что примерно за месяц до моего появления в этом времени бесследно исчез один из членов группы – электрик по имени Анвар. Большинство склонялось к мнению, что его «вернули» в свое время. Но было и другое, хотя и спорное, объяснение исчезновения Анвара – арест всемогущими спецслужбами. Однако мое появление немного успокоило группу: просто произошла обычная ротация кадров – одного отозвали, другого направили. Но в любом случае нужно быть предельно осторожными, ничем себя не выдавать.

На этом наш воскресный обед закончился. В ресторане мы пробыли более двух часов. На бульваре разделились: каждый пошел своим путем, и только Олег никуда не спешил – он присел на скамейку, предложив жестом и мне последовать его примеру. Его очень интересовало, каким образом я появился во Фрунзе 1956 года.

– Только, пожалуйста, не пропускайте ни одной детали, какой бы незначительной она вам ни казалась, – добавил он.

Когда я окончил свой рассказ, Олег недовольно покачал головой:

– С вашей «Барселоной» вы поступили крайне неосмотрительно – ее наверняка кто-то подобрал и носит. Потом тот человек рано или поздно попадет на глаза какому-нибудь компетентному «товарищу» из органов, который не замедлит выяснить, где он ее взял, и, выяснив, станет искать владельца, т. е. вас. Найдет он и тетю Дусю – ведь кто, как ни дворник, следит за чистотой на бульваре и бывает там каждый день? А вдруг тетя Дуся вспомнит вас, да еще и опишет вашу внешность. Кстати, а где находится эта самая скамейка?

– Да вот она, – я указал на скамейку, стоявшую неподалеку на противоположной стороне бульвара.

– В таком случае нам лучше побыстрее отсюда уйти.

Мы пошли в сторону вокзала. На пересечении бульвара с улицей Токтогула открылся вид на самый красивый жилой дом города. Он был построен еще до войны – в 1939 году. Дом был действительно красив, а в то время он казался настоящим дворцом. Архитектурных «излишеств» здесь было более, чем достаточно: высокая арка с галереей на уровне четвертого этажа, стройные колонны, многочисленные балконы с балясинами и многое другое. В нем жили сотрудники Министерства внутренних дел, причем большая часть квартир была коммунальной – в них проживало по несколько семей. И лишь чины высокого ранга занимали отдельные квартиры – трех- и четырехкомнатные.

В этом доме однажды разыгралась история, которая могла бы закончиться очень плачевно. Молодая жена одного такого милицейского чина завела себе любовника – артиста балета оперного театра. Встречались они где придется – то в доме незамужней подруги, то еще где-нибудь. И вот как-то раз, когда муж отправился в очередную командировку, сгоравшая от любовной истомы блудница позвонила своему бойфренду: «Приезжай скорее – муж

улетел в Ташкент». Плейбой не заставил себя долго ждать и тут же отправился к своей любвеобильной подружке.

Далее события разворачивались по классическому сценарию: когда любовные страсти были близки к кульминации, раздался звонок в дверь. «Это муж, – переходя на шепот, запрочитала неверная жена, – быстрее прячься в шкаф и не шевелись – у него с собой пистолет!». Бедный балерун, схватив одежду и туфли в охапку, забрался в шкаф и притаился. К счастью, муж ничего не заподозрил, поскольку дело было утром, а его беспечная жена в это время обожала поваляться в постели.

– Представляешь, – возмутился супруг, – мы уже готовились к взлету, когда из-за непогоды на трассе рейс задержали на три часа! Вот я и решил провести их дома.

Сказав это, муж взял газету и улегся на диване. Через пять минут он уже храпел.

Тем временем несчастный балерун, скорчившись в душном шкафу, неимоверным усилием воли подавлял желание чихнуть: в шкафу пахло нафталином. Но всему приходит конец, пришел конец и его мучениям. То, что пережил он там, сидя в шкафу, трудно представить: вид его был просто ужасен. Его же подружка, наоборот, была бодра и полна энергии:

– Всё – теперь он больше не вернется. Ну иди же ко мне, мой котик!

Но котик только с досадой махнул рукой и, быстро одевшись, поспешил покинуть столь опасное для него место. На этом взаимоотношения плейбоя с любвеобильной гетерой закончились. Эту историю рассказал мне один знакомый музыкант, а он услышал ее от самого артиста.

Сразу за домом МВД стояло два симметрично расположенных одноэтажных здания дореволюционной постройки. Раньше здесь находилась школа Одинцова – известного в городе педагога. Мне довелось учиться у его дочери – Елены Васильевны Одинцовой, преподававшей у нас ботанику. После революции школа, как частное заведение, была закрыта, а помещения приспособлены под жильё.

С другой стороны бульвара возвышалось красивое здание, в котором с 1943 года размещался созданный тогда Киргизский филиал Академии наук СССР (сокращенно КирФАН). Возглавлял научное подразделение выдающийся ученый, специалист в области гельминтологии академик Константин Иванович Скрябин. КирФАН просуществовал до 1954 года, когда в республике была создана Академия наук Киргизской ССР.

Так мы дошли до улицы Московской, где располагалась средняя школа № 6 (до 1954 года – мужская). Тогда школы и прочие учебные заведения не огораживались высокими металлическими заборами – они были открыты со всех сторон. Да и от кого, собственно, закрываться: террористов тогда не было. Мы зашли в школьный двор.

Сердце моё учащенно забилося – здесь было столько незабываемых для меня мест! Вот кирпичный забор, отделяющий школьный двор от усадьбы известного в стране писателя Тугельбая Сыдыкбекова. Мы, пацаны, залезали сюда, чтобы полюбоваться диковинными птицами – павлинами, чинно расхаживающими по саду. Вот и сейчас хорошо слышен их характерный гортанный клёкот. Или вот дверь, ведущая в умывальную комнату. Как-то зимой мы с другом Витькой сбежали с уроков, зашли сюда погреться и напоролись на завуча – ох, и досталось нам тогда!

– Нам тоже неожиданные встречи не нужны! – заметил Олег. – Мы не должны никоим образом вмешиваться в жизнь окружающего нас мира, а выступать лишь в роли сторонних наблюдателей. Помните знаменитый рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром» – о случайно раздавленной на охоте бабочке? Ее гибель направила развитие мира совсем по иному сценарию. Если что-то подобное случится, мы вернемся – а я в этом уверен – в совсем иной мир. Я много читал на эту тему и могу вас заверить, что некоторые писатели-фантасты обладали даром предвидения. Вспомните хотя бы Жюль Верна – почти все его фантазии уже осуществились.

Не доходя до привокзальной площади, мы присели на скамейку. Она стояла немного в стороне от аллеи, где можно было

спокойно поговорить, не боясь, что нас кто-то услышит. Мы продолжили наш разговор.

– Меня беспокоит ваш визит к ювелиру, – сказал озабоченно Олег. – Люди, имеющие дело с драгоценностями, обычно являются объектом усиленного внимания со стороны соответствующих органов и нередко сотрудничают с ними. Ювелир, которому вы продали свой перстень, похоже, большой пройдоха: своей выгоды он никогда не упустит. Оставлять у него ваш перстень никак нельзя, как-никак, а это вещественное доказательство. Не дай Бог, если он попадется на глаза кому-нибудь из органов, ювелир молчать не будет, выложит всё, как есть.

– Я об этом как-то не подумал, – пробормотал я, – но и остаться без денег тоже не мог...

– Да, ладно, не переживайте. Вот она ваша печатка с монограммой!

После этих слов Олег достал из кармана перстень и протянул его мне.

Я опешил, не зная, что и сказать, а Олег продолжал:

– Увидев вашу печатку, я понял, что оставлять ее у жуликоватого мастера никак нельзя. Хорошо еще, что у меня оказалась с собой нужная сумма денег. В общем, немного поторговавшись, я выкупил ее. Берите – рассчитаетесь, когда сможете. А сейчас давайте отклонимся чуть-чуть в сторону Советской, зайдем на «Южный базарчик» – там можно выпить топлёную ряженку, ну знаете, ту, что продают в стаканах, с румяной корочкой. Там же можно отведать и свежее кобылье молоко – кумыс. Пойдемте, не пожалеете! И действительно ряженка оказалась чудесной.

Мы вышли на привокзальную площадь. Жизнь здесь кипела. У входа на перроны толпились встречающие поезд люди. Тут же стояли несколько такси и чисто восточное средство передвижения – брички с запряженными в них лошадьми или ишачками, так сказать, гужевого транспорт. «Это наше ишакси», – шутили горожане. С правой стороны площади у глубокого арыка находилась пивная, по случаю воскресенья полная народа. В тени около мостика через арык пристроил свой мангал шашлычник – запах

от подгоравшего на углях курдючного жира разносился далеко по округе.

Над всем этим возвышалось монументальнее здание вокзала. Высокое, выдержанное в строгих серых тонах, с широкой лестницей, ведущей к парадному входу, оно невольно притягивало к себе взор. Еще более замечательным был интерьер вокзала. Его просторные двухсветные залы и вестибюль были украшены фресками со сценами из народной жизни и с киргизским национальным орнаментом, выполненные советским скульптором венгерского происхождения Ласло Месарошем и живописцем Александром Игнатьевым.

Мы поднялись по лестнице, прошли по залам вокзала и вышли на перрон. Здесь было полно встречающих, а издали уже доносились гудки приближающегося поезда. Небольшой сквер, разбитый по краям здания вокзала, украшали две скульптуры вождей – Ленина и Сталина.

– Пора уходить – сказал Олег – поезд вот-вот подойдет, и здесь будет толчея.

Мы снова оказались на бульваре. На «нашей» скамеечке уже кто-то сидел, поэтому мы свернули на тихую безлюдную улочку Южную, много лет спустя получившую имя Чуйкова. Там, за высокой оградой, в тени деревьев просматривался большой особняк, в котором жил первый секретарь ЦК КП Киргизии Исхак Раззаков. Естественно, перед входом стояла будочка с милиционером. Мы уже сворачивали на Первомайскую, когда услышали сзади тихое шуршание шин по асфальту. Обернувшись, увидели большой черный лимузин, подъезжающий к воротам усадьбы. Мы тем временем вышли на аллею и пошли по ней в сторону Московской.

Некоторое время шли молча. Неожиданно Олег остановился, посмотрел мне в глаза и спросил:

– Дмитрий Борисович, если не секрет, где вы ночуете?

– У очень честных и порядочных людей. Они уже немолоды – брат и сестра. Он – музыкальный редактор республиканского радио, она – машинистка в редакции одной из газет. Я им полностью доверяю.

– Кажется, речь идет о Черной Бороде?

– Как? Вы его знаете?!

– Знал в прошлом, в далекой молодости. Несколько раз вместе с друзьями заходил к нему послушать музыку. У Юрия Алексеевича была прекрасная фонотека. Конечно, ему можно доверять, но нужно быть крайне осторожным – подвергать риску таких людей, как он, мы не имеем права. Для этого нам не нужно выделяться из общей массы людей, чем-то привлекать к себе внимание.

Когда мы подходили к Московской улице, перед нами неожиданно возникла группа цыганок. Одна из них, пожилая, с массивными золотыми серьгами и в цветастом платке, подошла прямо к Олегу и хриплым, прокуренным голосом произнесла:

– Давай, дорогой, тебе погадаю – всю правду скажу, ничего не утаю. Большая печаль лежит у тебя на сердце. Ты тоскуешь по семье, а дом твой очень далеко. Позолоти мне ручку – всё расскажу. Хочешь, имя жены назову?

Олег не растерялся и решительно прервал ее:

– Спасибо, ничего не надо, – сказал он твердым голосом, подхватил меня под руку, и мы быстро удалились.

Я был ошеломлен словами цыганки – откуда она узнала про «печаль на сердце», семью и далекий дом? Олег же, напротив, был спокоен:

– Я хорошо знаю цыганские трюки. Всё очень просто: цыганки с детства обучаются искусству гадания. Они очень наблюдательны и хорошие психологи. То, что я приезжий, она определила сразу. Конечно, цыганка не знала, откуда я прибыл, но догадалась, что издалека, а вот с «печалью на сердце» она просто молодец, хотя я и стараюсь держать себя в руках и внешне не показывать, что у меня на сердце, печаль действительно не дает мне покоя (да и ваше тоже). А вот угадала бы она имя моей жены – это еще вопрос. Кстати, ее зовут Эрика.

Мы проходили через один из самых уважаемых районов города. Здесь жили известные в республике люди – председатель Совета Министров Киргизской ССР Абды Суеркулов,

писатель Тугельбай Сыдыкбеков (тыльная сторона его обширной усадьбы граничила с нашим школьным двором), солистка оперы, колоратурное сопрано Фаина Оленева – поговаривали, что высокий двухэтажный дом, в котором она жила, был построен для нее по проекту ее мужа, главного архитектора города. Ну а дом Сыдыкбекова выглядел как настоящий дворец. Его писатель построил после вручения ему Сталинской премии. Однако таких домов в городе было мало: один, два – и обчелся: частный сектор во Фрунзе был тогда одноэтажным. Построить двухэтажный дом было рискованно – соответствующие органы сразу бы заинтересовались: откуда деньги? Неподалеку во время войны в скромном одноэтажном доме жил академик Скрябин.

Дойдя до ближайшей остановки троллейбуса, мы договорились о следующей встрече и попрощались: Олег остался ждать троллейбуса, а я пошел к Юрию Алексеевичу – он меня, наверное, уже заждался.

Около четырех часов дня я был на месте. Меня здесь уже ждали.

– Мы уже стали беспокоиться. У вас всё в порядке?

– Да, слава Богу! Я много ходил по городу, посещал знакомые с детства места, потом пообедал в ресторане.

– В таком случае вам лучше всего сейчас отдохнуть, а часиков в шесть мы сядем за стол. Валентина Юрьевна сейчас хлопочет на кухне, готовит что-то вкусненькое.

Вздремнув часок, я встал, умылся, побрился, надел новую рубашку и к шести часам был уже готов к ужину. Юрий Алексеевич только что вернулся с вечерней прогулки, поэтому был «при полном при параде»: в элегантном светло-коричневом костюме с галстуком, в широкополой шляпе и неизменной тростью в руках. Его черная, как смоль, окладистая борода была самым ярким атрибутом его внешнего вида. В сущности, он был самой колоритной личностью города.

Валентина Алексеевна была на высоте: она приготовила плов – свое фирменное блюдо, секретом приготовления которого овладела еще в юности от своей подруги узбечки. Когда она сняла с казана крышку, комнату заполнили неповторимые ароматы

настоящего узбекского плова, в котором, помимо риса, баранины, моркови и лука, было множество всяких приправ – красный перец, тмин, зира, и, конечно же, айва. После ужина мы долго еще сидели за столом беседовали, слушали музыку. Следуя советам Олега, я старался не говорить лишнего, особенно то, что могло бы взволновать их, вызвать какие-то негативные эмоции. Поэтому больше говорил о приятном: о музыке, литературе, об искусстве.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Явление одноклассника Эдички

Сегодня – понедельник, как говорят, день тяжелый. Не знаю, каким он будет для меня, а начался он неплохо – я отлично выспался и чувствовал себя бодрым, уверенным в себе. Встреча с Олегом была назначена на два часа дня на остановке троллейбуса у так называемого «Терентьевского сада», до революции – загородной дачи городского старосты Ильи Терентьева. Олег обещал мне помочь обзавестись каким-нибудь документом. Поскольку первая половина дня у меня была свободна, я решил посетить Краеведческий музей, находившийся на Краснооктябрьской улице (ныне Тыныстанова) в старом кирпичном доме с аркой, у северо-восточного выхода из Дубового парка.

Тут же находилась и другая достопримечательность города – известный продуктовый магазин «Серая бакалея», где в ту пору свободно продавались черная и красная икра, крабы, сырокопченые колбасы, сыры и прочие деликатесы. Стоили они совсем недорого, но купить их мог лишь узкий круг обеспеченных людей, а у остальных зарплаты были столь мизерными, что денег хватало только на самое необходимое. О деликатесах они и не помышляли. Можно еще было заглянуть в бывшую Никольскую церковь, в которой располагалась Картинная галерея. Но это – если останется время.

К сожалению, музей оказался закрытым, и я, чтобы не терять время зря, пошел по улице Кирова в сторону Советской. На ее углу возвышался один из самых красивых домов города. Он был построен в конце 30-х годов для управления грандиозной стройки того времени – прокладки Большого Чуйского канала. Позже в этом здании разместятся редакции республиканских газет. Если пересечь Советскую и идти дальше на восток, можно было попасть на городской рынок. Это был один из самых старых районов города, где всё оставалось точно таким же, как и 40–50 лет назад: большой пустырь, вымощенный булыжником, а вокруг одноэтажные, долго не ремонтировавшиеся постройки, в которых ютились многочисленные лавки, киоски, магазинчики.

Я не пошел в сторону рынка, а повернул направо, и вскоре передо мной открылся дивный вид на новое здание оперного театра. Из-за войны его строительство затянулось на долгие годы, и лишь год назад, в мае 1955 года, он был открыт для публики. На фоне окружавших театр домов старой постройки он выглядел как пришелец из другого мира – величественный, впечатляющий, яркий. Я обошел театр по всему периметру, и со всех сторон он был прекрасен. У служебного входа, расположенного с задней стороны здания, было непривычно тихо, оно и понятно – в понедельник артисты отдыхают.

Вспомнилось мое первое посещение театра. Мне тогда было шестнадцать лет. На сэкономленные деньги купил билет на вечерний спектакль – оперу Александра Бородина «Князь Игорь» – и минут за 15–20 до его начала был уже у парадного входа в театр. Всё пространство под колоннами заливал яркий свет, нарядно одетые люди, не спеша, подходили к театру, увидев знакомых, останавливались, о чем-то говорили. Слышались негромкая речь, смех. В воздухе незримо витала атмосфера праздника.

Еще оживлённее было в вестибюле театра. Сотни человеческих голосов сливались в какой-то неясный, накатывающийся волнами гул. Я подошел к билетерше и купил программку. Заглянув в нее, узнал, что партию Игоря будет петь известный баритон Владимир Королев, а его партнерами по сцене будут ведущие

солисты оперы. В те годы в театре была блестящая оперная труппа, в составе которой выступали такие яркие певцы, как Сайра Киизбаева, Марьям Махмутова, Ирина Деркимбаева, Салима Бекмуратова, Николай Головин, Сергей Шехов, и др. Но вот зал постепенно заполнился, прозвенел третий звонок, и спектакль начался. Он произвел на меня сильнейшее впечатление, и я дал себе слово: раз в месяц обязательно буду ходить в театр.

Давно это было. И вот – я снова в том далеком времени: чудеса, да и только! Надо пользоваться этим, пока оно не ушло, – подумал я. Всё может случиться. Вдруг тот (или те), кто послал меня в 1956 год, решит, что мне пора уже возвращаться в свое время, даст команду, и всё – конец сказке. Так что не нужно волноваться, переживать, а пользоваться тем, что дано.

С такими мыслями я снова оказался у фасада театра. Тут я заметил странного субъекта, одетого в старомодный костюм с жилетом, в больших очках и с фотокамерой типа «Лейки» в руках. Ничего не замечая вокруг себя, перебегая с одного места на другое, он непрерывно щелкал затвором аппарата. Что-то в его осанке мне показалось знакомым, я присмотрелся и – о Боже! – да это же Эдик, с которым я когда-то учился в школе. Он уже тогда увлекался фотографией и даже ходил в фотокружок Дворца пионеров. Но самым странным было то, что выглядел он не так, как в 50-е годы, а каким я его видел два года назад, в 2009 году, в Москве, куда приезжал для участия в научной конференции, т. е. он был моим ровесником

Сомнений не было – фотографировал театр не кто иной, как Эдуард Светлов, после окончания школы поступивший в Московский архитектурный институт, ставший со временем хорошим архитектором. Жил он в Москве в районе Лужников, иногда приезжал во Фрунзе – Бишкек проведать свою сестру. Я не выдержал и позвал его:

– Эдик!

Эдик вздрогнул, словно его ударило электрическим током, затем резко повернулся в мою сторону, несколько секунд ошалело смотрел на меня наконец, как бы про себя, прошептал:

– Димон!

Мы обнялись.

– Как же ты тут оказался? – спросил я, немного придя в себя, всё еще не веря в реальность происходящего.

– Наверное, также, как и ты. Я здесь почти уже месяц. А ты?

– Всего лишь четвертый день...

Эдик посмотрел по сторонам и недовольно покачал головой:

– Мы тут у всех на виду, пойдем-ка лучше в Дубовый парк, там и поговорим!

По пути в парк мы рассказали друг другу о своих первых шагах «путешествия во времени». В отличие от меня Эдик проснулся не на бульварной скамейке, а в кресле последнего ряда кинотеатра «Ала-Тоо», и первое, что он увидел на экране, был кадр из старого французского фильма с участием Ива Монтана «Плата за страх». Он понять не мог, где находится, и лишь выйдя на улицу, осознал, что попал в город своего детства середины 50-х годов. Первую ночь пришелец провел в зале ожидания железнодорожного вокзала. Ему повезло, дежуривший там милиционер не обратил на него никакого внимания.

В Дубовом парке мы облюбовали скамейку у небольшого фонтанчика, где в это время никого не было. Здесь-то Эдик и поведал мне свою удивительную историю.

В первый день своего пребывания во Фрунзе 1956 года Эдик пребывал в шоковом состоянии. Его, можно сказать, выручил портфель, который оказался при нем. В портфеле находилась масса весьма полезных или, наоборот, опасных в его положении вещей: принадлежности для рисования и черчения, какие-то проекты, бумаги, электрическая бритва, фотоаппарат «Зоркий», смена белья и даже два бутерброда с копченой колбасой и бутылка лимонада.

Главное, в одном из карманчиков портфеля нашлось старое, но отлично сохранившееся удостоверение нештатного корреспондента газеты «Известия», выданное в январе 1995 года на имя Э. П. Светлова (Эдик иногда выступал в печати по вопросам строительства и архитектуры). Было очевидно, что мой давний друг собирался в командировку, но куда и зачем, как ни силился,

он вспомнить так и не смог. Тем не менее выглядел он вполне респектабельно: седовласый мужчина в костюме, при галстукке, в очках и с портфелем в руке. Такого вряд ли бы остановил милиционер и попросил бы предъявить документы.

На бутербродах Эдик продержался сутки, а потом решил действовать. Он без особого труда подправил в своих старых корреспондентских «корочках» девятку на пятерку, так что 1995-й год тут же превратился в 1955-й, сделал еще кое-какие поправки и отправился в редакцию одной из республиканских газет. Его импозантный вид и особенно удостоверение произвели на редактора должное впечатление. Уподобившись на какое-то время незабвенному Остапу Бендеру, мой друг легко втерся в его доверие и получил то, что хотел, – заказ на три статьи по проблемам архитектуры города, направление в общежитие Совпартшколы и, главное, аванс. Более того, он получил удостоверение нештатного корреспондента газеты.

В общежитии, находившемся по соседству с музеем Фрунзе, моего друга поселили в отдельной комнате. Удобства, правда, были в конце коридора, но их отсутствие в номере компенсировалось письменным столом и лампой с зеленым плафоном. Именно за этим столом Эдик написал свои первые статьи и репортажи. Вскоре появились и заказы от других газет и журналов. Мой друг писал под псевдонимом, писал быстро, легко, стараясь обходить «острые углы» и не привлекать к своей персоне особого внимания, «товарищей» из органов. Делал он и фоторепортажи. Таким образом финансовая проблема для него была решена.

Обо всем этом и о многом другом поведал мне мой старый друг. Тишину парка время от времени нарушал шум падающих с дубов желудей. Они лежали повсюду – и на газонах, и на аллеях. Осень уверенно вступала в свои права. Я тоже рассказал другу о своем положении и событиях последних дней. Больше всего Эдика заинтересовал мой рассказ о том, что в городе живут и действуют другие пришельцы из будущего, к тому же объединившиеся в группу. Я предложил Эдику познакомить его с членами группы, но он, подумав немного, решил не торопиться:

– Познакомиться мы всегда успеем, но нужно быть осторожными – вдруг за ними уже кто-нибудь присматривает? Давай-ка лучше сходим в ресторан и там пообедаем. Я приглашаю.

Мы пошли в ресторан «Киргизстан», располагавшийся в том же самом здании, что и гастроном «Серая бакалея», только в другом его конце. Несмотря на обеденный час, людей в нем было немного. В те послевоенные годы обед в ресторане в обычный будничным день мог позволить себе далеко не каждый, да и те, кто мог, не хотели лишний раз «засвечиваться» в злачном заведении. Здесь всё было добротным и респектабельно – столы, покрытые белоснежными скатертями, стулья, ковровые дорожки, люстры и картины на стенах, а в конце зала – небольшая эстрада для музыкантов. Обслужили нас быстро и корректно. Обедом мы остались довольны – в «Киргизстане» была хорошая кухня. Поскольку за соседними столами никто не сидел, мы имели возможность спокойно беседовать. Прощаясь, договорились встретиться завтра утром.

Однако мне нужно было поторопиться – до встречи с Олегом оставалась всего четверть часа. Я вышел на Советскую и прямо по ней пошел в сторону Терентьевского сада, у входа в который мы договорились встретиться. Олег уже меня поджидал. Крепко пожав друг другу руки, мы решили сократить путь и двинули прямо через сад.

Конечно, за прошедшие после революции почти сорок лет в саду мало что осталось от былой красоты и роскоши, но кое-что всё же сохранилось. Исчезли клумбы, цветники, декоративные кустарники, фруктовый сад, хмелевая плантация, пруд. Но деревья – исполинские дубы, серебристые тополя, березы, карагачи – как стояли, так и стоят, только стали еще выше, раскистее. Мы прошли мимо загородного дома старосты – капитального деревянного строения с большой верандой: в нем сейчас расположена Станция детского туризма (ну а в 2011 году от нее останутся только одни стены, да и те, наверное, скоро снесут).

Мы вышли из сада с обратной его стороны. Здесь, на узкой, патриархально тихой улочке Маяковского в небольшом частном

доме с крылечком, и поселился Олег. За небольшую плату он снимал в нем комнату с окнами, выходящими в садик с колодцем. Обстановка в комнате была спартанской: кровать, стол, пара стульев, за занавеской у входа – умывальник и вешалка. Просто, скромно, но чисто, – отметил я про себя.

Мы сели за стол, Олег достал с полки папку с бумагами, извлек из нее нечто, похожее на удостоверение личности, и протянул его мне.

– Хочу вас обрадовать – нам удалось раздобыть для вас пенсионное удостоверение. Какой-никакой, а это документ – все пенсионеры ходят с такими, и паспорта у них обычно не спрашивают. Теперь вы – Поляков Виктор Павлович – он примерно вашего возраста, да и, судя по фотографии, внешне очень похож на вас. Так что на первое время сойдет. Носите его всегда с собой и, главное, не забудьте ваше новое имя-отчество. И научитесь отзывать-ся на него. Вот так-то, Виктор Павлович!

Я уж не знал, как отблагодарить мне своего благодетеля, а Олег тем временем, включив электрочайник (в тот период острого дефицита электроэнергии такие приборы вообще-то прямо запрещались), стал накрывать на стол, готовя его к чаепитию. Чай оказался отменного качества – настоящий индийский, байховый: такого сейчас днем с огнем не найдешь. Хороши были и ватрушки, которыми угостила Олега его квартирная хозяйка, пышные, посыпанные сахарной пудрой.

Постепенно разговор зашел о волнующей всех нас теме – о возможности возвращения в 2011 год. И вот что мне тогда поведал мой новый друг:

– Я давно занимаюсь этой темой – прочел многое из того, что нашел на русском и английском языках, просмотрел фильмы («Терминатор», «Назад в будущее» и другие). Просочились сведения о том, что во многих странах мира созданы засекреченные научные подразделения, которые давно уже занимаются изучением разного рода паранормальных явлений, в том числе и путешествиями во времени. Занимается этим и официальная наука. На одном из сайтов в Интернете я прочел, что путешествия во

времени допускаются законами природы и не ведут к возникновению неразрешимых противоречий. Сама Вселенная будет подстраиваться под действия путешественника, чтобы история осталась в целостности и сохранности. К такому неожиданному выводу ученые пришли на основании строгих математических расчётов.

Есть и другое мнение: путешественников из будущего в нашем времени много, но они не могут или скорее не хотят изменять прошлое, поскольку единственным следствием этого будет размножение реальностей, что не позволит путешественникам вернуться в свою исходную реальность в будущем. Поэтому нужно очень ответственно относиться к своему пребыванию в чужом времени, ни в коем случае не нарушая естественный ход истории, иначе мы не сможем вернуться туда, откуда пришли.

– Я уже говорил вам, что пришельца из будущего можно легко опознать по его внешнему виду – одежде, обуви, причёске и т.д. Вот вам любопытнейший артефакт – фотография, сделанная в 1941 году на церемонии открытия Золотого моста в Канаде. На снимке несложно рассмотреть одного мужчину, разительно выделяющегося на фоне остальных зевак. Весь его облик не соответствует духу того времени – футболка с современным принтом, спортивная кофта, солнцезащитные очки, причёска, а довершением картинка является портативная камера, производства которых в 40-х годах XX века не было даже в проекте. И таких примеров не мало. Резюме: ничем не выделяйтесь на фоне окружающих вас людей – ни одеждой, ни своим поведением. Следите также за своей речью. Вот вам пример: в конце 50-х годов появилось новое слово «химичить». Раньше его никто не знал, в 1959-м оно вдруг стало модным. И если сейчас, в 1956-м, кто-то произнесет это слово, он тут же выдаст себя.

– Теперь о нашем личном опыте. Все мы попали сюда, в город нашего детства, юности, не случайно. У всех нас было страстное желание увидеть его вновь, пройтись по его улицам и паркам, еще раз вдохнуть аромат того далекого времени. И это случилось. Я думаю, что представители той, ушедшей далеко вперед в своем развитии цивилизации, послав нас в прошлое, имели какую-то

конкретную научную цель. Какую? – мы можем только догадываться. Когда же мы выполним свою миссию, надо полагать, нас вернут назад в наше время.

– И в чем же заключается наша миссия? – поинтересовался я.

– Трудно сказать. Но кое-какие мысли на этот счет у меня уже есть. Обратите внимание на факты: почти одновременно в один и тот же город посылается группа людей, преимущественно старшего поколения, но незнакомых друг с другом. Все они – образованные, умудренные жизненным опытом. О чем это говорит? О том, что такие люди не способны на какие-то необдуманные поступки, на них можно положиться. А это нужно для того, чтобы узнать, как поведут они себя в экстремальных ситуациях, что будет двигать их поступками, способны ли они будут к самоорганизации и многое другое. Я уверен, что за нами наблюдают и даже подстраховывают от неверных действий. Когда же мы выполним нашу миссию, нас вернут назад. Не исключаю возможность, что кто-то из нас останется здесь на более долгий срок, и тогда пославшие нас сюда поручат ему выполнять какую-то другую миссию. Но пока – это всего лишь предположения.

Мы еще долго говорили на самые разные темы и расстались, когда уже вечерело.

В домике Юрия Алексеевича меня ожидал приятный сюрприз: в честь 75-летия со дня кончины выдающегося русского композитора Модеста Петровича Мусоргского Юрий Алексеевич решил устроить музыкальный вечер. Начался он после ужина с арии Бориса Годунова «Достиг я высшей власти» в исполнении солиста Большого театра Союза ССР Ивана Петрова-Краузе, который в начале войны совсем еще молодым, начинавшим вокалистом пел в составе труппы Киргизского театра оперы и балета.

Затем слово взял Юрий Алексеевич и прочел блестящую полтора часовую лекцию о жизни и творчестве композитора, чередуя свой рассказ с музыкальными номерами. Он рассказывал о Мусоргском и его музыке столь ярко и увлеченно, что терялось ощущение времени.

В тот памятный вечер прозвучали фрагменты из бессмертных произведений композитора, которые имелись в его обширной фонотеке, наверное, самой лучшей и полной в городе. Это были фрагменты из опер «Борис Годунов» и «Хованщина», известного фортепианного цикла «Картинки с выставки», музыкальной картины «Ночь на Лысой Горе», романсы.

Я обратил внимание, как бережно и даже благоговейно Юрий Алексеевич обращался с пластинками, – он держал их кончиками пальцев за края, осторожно вынимал из конверта и также осторожно ставил их на диск проигрывателя. Если пластинка была не новой, то он обязательно протирал ее с двух сторон специальной бархатной щеткой, а если хотел прослушать музыку, записанную на средней дорожке, то, чтобы точно попасть на нее и не повредить при этом запись, пользовался фонариком. После прослушивания диска он никогда не оставлял его открытым, а также аккуратно укладывал в конверт.

Этот импровизированный концерт произвел на меня неизгладимое впечатление.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Вдоль по улице, по Сталина и рядом

Мы встретились с Эдиком в сквере у Дома правительства. Он предложил мне прогуляться по улице Сталина до ее пересечения с улицей Белинского (ныне улица Манаса), там свернуть направо и закончить прогулку у корпусов университета. По пути Эдик хотел запечатлеть на пленку здания, которые в последующие годы были снесены, перестроены или перекрашены. Мы прошли мимо массивного двухэтажного здания с куполом, построенного с элементами восточного декора – бывшего Дома ЦИК и Совнаркома Киргизской АССР (1927–1936). Тогда это было здание Академии наук Киргизской ССР. Оно сохранилось до наших дней.

А вот зданию Министерства внутренних дел с высоким портиком и со стройными колоннами не повезло – несмотря на его красоту и историческую ценность, капитальное здание, кстати, построенное с помощью пленных немцев, было безжалостно снесено в угоду новой парадной площади – «чертовой сковородки» – как ее вскорости окрестят горожане.

Мы вышли к перекрестку улицы Сталина (скоро она станет улицей имени XXII Партсъезда, правда, ненадолго, затем будет называться Ленинским, а впоследствии и Чуйским проспектом. Более того, её западная часть вдруг станет проспектом Дэн Сяопина) и Первомайской. Здесь находились городской Почтамт и библиотека имени Крупской. Это было небольшое отреставрированное одноэтажное здание, до революции занимаемое мировым судьей. В юности я был постоянным ее читателем. Вместе с друзьями мы нередко заходили сюда. Девушки, работавшие в библиотеке, хорошо нас знали и оставляли нам все новинки зарубежной литературы – книги Ремарка, Бёлля, Олдриджа, Моравиа и др.

Эдик достал свою фотокамеру и занялся съемкой. Затем мы поднялись по Первомайской до Киевской. Здесь тоже много было памятных для нас мест: детская поликлиника, стоматологическая клиника, аптека, швейная мастерская, а если зайти со стороны улицы Сталина, – хлебозавод. В этом квартале было много зданий старой постройки с высоким кирпичным фундаментом и каркасными стенами. Их фасады украшали окна с деревянными ставнями, резными наличниками, карнизами и крылечками. Оригинально было построено здание детской поликлиники – оно было круглым. В центре здания находился просторный двусветный зал ожидания с регистратурой, а кабинеты врачей располагались по периметру постройки.

Далее почти целый квартал занимало высокое четырехэтажное здание с большими светлыми окнами, всем своим обликом никак не подходившее для промышленного предприятия, которое в нем разместилось. Такое несоответствие объяснялось просто: здание строилось для универмага, но началась война, и его

передали в ведение эвакуированной из Харькова трикотажной фабрики имени А.И. Микояна. Позже это капитальное здание крыли парадной колоннадой новой площади.

Прямо напротив фабрики стояла лучшая городская гостиница того времени с одноименным рестораном – «Киргизия». Всё бы хорошо, вот только удобства «отеля» находились почему-то во дворе. Говорят, что однажды во Фрунзе приехал знаменитый оперный певец, солист Большого театра – Козловский. Естественно, его поселили в номере «люкс», в котором удобств тоже не оказалось. Обнаружив это, именитый тенор тут же съехал с гостиницы и вернулся в Москву.

И вот у этого самого «отеля», но не у парадного входа, а около его восточного торца, мы стали невольными свидетелями отвратительной сцены – двое бойких пацанов крутились возле лежавшего прямо у стены гостиницы пьяного в стельку мужика. Он ничего не говорил, лишь только мычал что-то нечленораздельное, а пацаны, называя бедолагу «дядюшкой», уговаривали его идти домой, а они, мол, доведут его. Ничего себе – заботливые нашлись «племяннички»! В это время один из них изловчился, запустил руку пьянице в карман и что-то оттуда вытащил. После этого малолетние грабители тут же исчезли. Мы, конечно, могли вмешаться, но прекрасно осознавали, что за этим могло бы последовать. И действительно, подойдя к входу в гостиницу, мы увидели дежурившего там милиционера.

Следующие два квартала в основном занимали различные учреждения военного ведомства, из которых самым примечательным был Дом офицеров. Построенный в 30-х годах в духе конструктивизма, он имел собственный кинозал, столовую с буфетом, которые посещать могли не только офицеры, но и горожане. Мне тоже доводилось бывать здесь – и в кино, и в столовой, где обслуживали молоденькие официантки и было тепло и уютно.

Невольно вспомнилось, как лет в 14–15 мы с друзьями зашли сюда полакомиться пирожными. В ту зиму наш товарищ Медет, отлично игравший в шашки, стал участником республиканского чемпионата по этому виду спорта, и он, как и все другие

участники, стал получать талоны на питание в размере 25 рублей в день. А поскольку Медет был городским и питался дома, то ему эти талоны особенно и нужны-то не были. Вот и пригласил он нас в столовую Дома офицеров, к которой были прикреплены участники турнира. Когда подошла официантка, он широким жестом заказал на все деньги бисквитные пирожные и чаю. Принесли их нам, троим подросткам, целое блюдо. Выглядели они аппетитно, но на вкус оказались так себе: сахара и яиц явно не доложили, а сливочное масло заменили маргарином. Но мы были непривередливы, да и, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Съели мы по паре пирожных, а далее дело застопорилось. С трудом, но всё же ели: не пропадать же добру! После этого я пирожные просто видеть не мог.

Рядом с Домом офицеров находился главный вход на стадион «Трудовые резервы», на поле которого разыгрывались футбольные баталии, а в зимнее время года заливался каток. Громко звучала музыка, работали раздевалки и мастерская по заточке коньков, сотни горожан заполняли ледовое поле. Было шумно и весело. Прошли годы, от стадиона и Дома офицеров не осталось и следа, зато появился беломраморный Дом правительства – уже четвертый по счету в республике.

После улицы Ворошилова (ныне Тоголока Молдо) ничего особо примечательного, кроме нескольких двухэтажных жилых домов и столовой, не было. Наконец, мы дошли до университета, наверное, одного из самых больших зданий киргизской столицы. Бывший Педагогический институт, получивший в 1951 году статус университета, благодаря надстройке из двухэтажного превратился в трехэтажный и выглядел теперь вполне презентабельно и солидно. Сфотографировав его в разных ракурсах, Эдик свернул свою «фотосессию», и мы напрямик двинули в Красную чайхану.

Построенная в 1943 году Красная чайхана придавала, в общем-то, европейскому по планировке и архитектуре городу, яркий штрих восточного колорита. Находилась она напротив кинотеатра «Ала-Тоо», рядом с глубоким, протекавшим по бульвару

арыком, через который были перекинута деревянные, покрытые коврами мостики – айваны. В жаркое лето, да и вообще в любое теплое время года, лучше всего было располагаться именно здесь, на свежем воздухе и в прохладе, исходившей от текущей внизу воды.

Мы так и поступили, заказав себе на обед лагман, самсы, чайник зеленого чая, а на десерт – виноград «дамские пальчики», его привозили во Фрунзе из Ошской области. В те годы, когда кондиционеров еще не было и в помине, лучшего места для отдыха нельзя было придумать. Ожидая, когда нам принесут заказанное, под тихое журчанье воды мы имели прекрасную возможность полюбоваться и по достоинству оценить красоту постройки. Основным материалом, из которого строилась чайхана, было дерево: из него были выточены и украшены резьбой многометровые изящные колонны и карнизы, балясины айванов и многое другое. С левой стороны от чайханы в небольшой пристройке в печи-тандыре выпекались вкуснейшие самсы – треугольной формы пирожки с рубленным мясом и луком. Перед окошком пекарни уже выстроилась очередь – это означало, что очередная партия самс скоро будет готова, повар смажет их маслом и начнет торговлю. Ну вот и подоспел наш обед, и, как ожидалось, он был отличным, правда лагман оказался островат, но тут уж ничего не поделаешь – он таким и должен быть: восточная традиция.

За обедом Эдик рассказал мне немного о своем житие-бытие последних лет. С женой он развелся, а сын уехал с семьей в Канаду, где сделал хорошую карьеру – он совладелец фирмы, производящей бытовые приборы. Мой друг остался один. Неожиданно Эдик попросил меня познакомить его с Олегом и его группой. Я был удивлен: еще вчера он просил меня ничего не говорить о нем Олегу, а тут вдруг желание встретиться – странно всё это. Ну да ладно – с Олегом я поговорю, а там будет видно.

После обеда я пошел в библиотеку и, предъявив пенсионное удостоверение, заполнил пару бланков, после чего получил читательский билет и право посещать это заведение. Библиотека находилась на улице Кирова рядом с цирком, напротив северного

входа в Дубовый парк. Это было старое одноэтажное здание, неприметное снаружи и хорошо оборудованное внутри. Я прошел в читальный зал, где было всего два читателя, взял несколько газет и журналов и углубился в чтение.

Вскоре я был в курсе главных международных новостей того времени: при поддержке Великобритании и Франции назревал военный конфликт между Израилем и Египтом, а в Венгрии начались массовые протестные движения молодежи и студентов. Эти новости меня мало волновали, поскольку я знал, чем это всё закончится. С гораздо большим интересом я стал знакомиться с местными новостями, хроникой спорта и культурной жизни, репертуаром театров, кино. Вот две из них: группа советских альпинистов, возглавляемая заслуженным мастером спорта СССР Виталием Абалаковым, покорила находящийся на Юге Киргизии один из самых сложных семитысячников страны – пик Победы (7439 метров). На сцене театра оперы и балета с успехом идут спектакли классического репертуара – оперы «Риголетто» Джузеппе Верди, «Фауст» Шарля Гуно, «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини, «Лакме» Лео Делиба, «Русалка» Александра Даргомыжского, балеты «Лебединое озеро» Петра Чайковского, «Чолпон» Михаила Раухвергера, музыкальная комедия «Аршин мал-алан» Узеира Гаджибекова. Особой популярностью у зрителей пользуется опера Абдыласа Малдыбаева, Владимира Власова и Владимира Фере «Айчурек».

Покончив с новостями, я приступил к знакомству с содержанием журналов «Юность», который с 1955 года начали издавать в Москве. Именно в нем стали печататься первые произведения талантливых молодых поэтов и прозаиков – Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Анатолия Гладилина, Василия Аксенова. Свое внимание я остановил на детективной повести Аркадия Адамова «Дело “пестрых”» и начал ее читать. Время за чтением летит быстро – я так увлекся, что не заметил приближения вечера и что мне пора идти в гостеприимный дом моего «ангела-хранителя» – Юрия Алексеевича.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Взгляд с горы на город детства

Сегодня на дворе среда, 26 сентября 1956 года. На пять часов вечера у нас запланирована встреча с Олегом, которая пройдет у него дома. На ней будут присутствовать все члены группы, т. е. пять человек. Однако до вечера еще далеко – нужно чем-то заняться. Поразмыслив, я решил съездить на автобусе в село Чон-Арык, где когда-то отдыхал в пионерском лагере. Замечательное было время – целый день на свежем воздухе, хорошее питание, увлекательные игры, купание в бассейне, походы в горы!

В село Чон-Арык, которое находилось в предгорной зоне, в 6–7 километрах от Фрунзе, можно было добраться на автобусе № 8. Пропетляв несколько минут по улицам города, он выезжал на улицу Новобелинскую (нынешний проспект Чингиза Айтматова) и ехал по ней прямо на юг до правительственной дачи. Обогнув ее обширную усадьбу, автобус медленно взбирался на крутой подъем и, преодолев его, останавливался. Большая часть пути проходила по сельской местности, поскольку город тогда был небольшим и заканчивался там, где сейчас находится «Шампанвинкомбинат».

Мы ехали по асфальтированному шоссе, с двух сторон густо обсаженному ветвистыми карагачами и тутовником. Деревья росли так плотно, что образовывали сплошной зеленый коридор. В ту осеннюю пору, когда листья деревьев приобретали желто-золотистый цвет, вид, открывавшийся из окон автобуса, был великолепен. Самое интересное, что дорога была почти пустой – за всё время поездки мы встретили всего лишь несколько машин.

В автобусе было полно народа, в основном сельских жителей – и киргизов, и русских. Большинство из них ездили в город, чтобы что-нибудь там продать, а назад возвращались с покупками. Одеты они были ужасно: во всё старое, изрядно поношенное. Я обратил внимание на одного подростка. На нем был ветхий, застиранный до потери цвета спортивный костюм, который

не скрывал его худобы, а, наоборот, подчеркивал. Однако взгляд у паренька был пытливый, осмысленный. В руке он держал сверток с книгами.

Я вышел на конечной остановке и через несколько минут был уже перед зданием старой чон-арыкской школы, на территории которой в то далекое лето размещался наш пионерский лагерь. Здесь почти ничто не изменилось, только вместо приезжих пионеров тон всему задавали местные школьники. Вот и сейчас в школе прозвенел звонок, и во двор высыпали шумной гурьбой мальчики и девочки. На меня они не обратили особого внимания, а я решил подняться на горку и взглянуть на город с высоты. Подъем у меня занял около получаса.

Вид с горы был прекрасен: куда ни кинешь взор – всюду зеленые поля, колхозные угодья, и лишь вдали просматривались контуры большого города, самыми высокими постройками которого были элеватор, холодильник мясокомбината и пожарная каланча на месте нынешнего Первомайского районного суда. Весь город утопал в зелени. Многоэтажных домов было мало, и почти все они находились в центре. Хорошо были видны зеленые ленточки двух бульваров – имени Дзержинского и Молодой гвардии, городские парки и скверы.

Налюбовавшись панорамой города, я спустился с горы и пошел к остановке автобуса. Только дошел до нее, как подъехал почти полупустой автобус, идущий в Дом отдыха имени 20-летия Киргизии. Времени у меня было достаточно, поэтому, недолго думая, я сел в него.

Дом отдыха находился в 20–25 километрах от города, на берегу реки Ала-Арча, поблизости от сёл Таш-Тюбе и Воронцовка. Мы с друзьями нередко ездили туда на велосипедах, поэтому те места знали хорошо.

Территория дома отдыха была зеленой, хорошо ухоженной и чистой – настоящий парк с тенистыми аллеями, скамейками, беседками, цветниками и прочими атрибутами курортных заведений. Отдыхающие жили в большом одноэтажном корпусе и в деревянных коттеджах, обедали в большой, похожей на ресторан

столовой, а по вечерам шли в кино или на танцплощадку, где, помимо танцев, массовики-затейники устраивали всевозможные конкурсы, викторины и игры.

Спиртное в доме отдыха, естественно, не продавали, но за речкой был сельмаг, в котором можно было купить и водку, и красное вино. Посетив заветную торговую точку, курортники принимали на грудь стакан-другой горячительного напитка, затем шли в столовую поужинать, а потом уже – на танцы. В общем, времени зря не теряли – брали от жизни всё, что могли. Поправляли свое здоровье в доме отдыха по льготным профсоюзным путевкам преимущественно рабочие и служащие городских предприятий.

Стоимость путевки за двухнедельный отдых была невысокой – семьдесят дореформенных рублей, бутылка московской водки в то время стоила 25 рублей 20 копеек. Была в продаже и другая водка, стоившая ровно на четыре рубля дешевле. Естественно, она была хуже по качеству. Но выпивох это не смущало – они могли выпить и одеколон, и денатурат. Был даже анекдот на эту тему:

– Скажите, пожалуйста, какую водку лучше пить? – спрашивает молодой человек у пожилого собутыльника, – а то говорят, что одна, вроде, лучше, другая хуже...

– Запомни, сынок: водка бывает только двух сортов – хорошая и очень хорошая!

Всё это я вспомнил, прогуливаясь по аллеям дома отдыха. Время было уже за полдень. Неплохо было бы пообедать, – подумал я, подходя к зданию столовой, стоявшему на небольшом возвышении, из окон которого доносились веселый звон посуды и человеческие голоса. Я зашел внутрь и обратился к подошедшей ко мне женщине с вопросом, нельзя ли мне пообедать здесь. «Можно, – ответила она, – но только вам нужно зайти в здание администрации и взять у директора разрешение».

Мне повезло, директор был на месте, разрешение пообедать в доме отдыха я получил, затем зашел в бухгалтерию, где оплатил стоимость обеда, цена которому была ровно пять рублей. Когда я вернулся в столовую, обед уже заканчивался, а зал был почти пустым. Я вручил завзалом квитанцию об оплате за обед, меня

посадили за свободный столик, а вскоре подошла приветливая официантка с полным подносом еды – борщ, котлеты и компот. Не знаю, так ли это было на самом деле или я просто проголодался, нагуляв на свежем воздухе аппетит, но обед мне понравился.

В город я вернулся около трех. До встречи с Олегом оставалось еще два часа. Чтобы скоротать время, я пошел в библиотеку и дочитал до конца начатый вчера детектив.

Когда я пришел к Олегу, группа уже была в сборе. По встревоженным лицам я сразу понял, что случилось нечто экстраординарное. И действительно: бесследно исчез Вячеслав Михайлович. Он не вышел в условленное время на связь. Комната, в которую он снимал, оказалась пуста, а хозяйка сказала, что не видела своего жильца со вчерашнего утра. На этот счет высказывались разные мнения. Любовь Сергеевна считала, что его арестовали, на что Олег возразил:

– Если бы арестовали, то наверняка бы провели обыск, и хозяйка об этом бы знала.

– Скорее всего, – вступил в разговор Сан-Саныч, – наш Михалыч нашел какую-нибудь симпатичную вдовушку и пропадает теперь у нее. Помните, как у Чехова в «Шведской спичке»?

– Ну это уж слишком, – возмутилась Любовь Сергеевна. – Вячеслав Михайлович – порядочный человек!

– А что, порядочные люди не могут влюбиться? – парировал физкультурник.

Дискуссию прервал Олег:

– Шутки в сторону, друзья! – разговор серьезный. Давайте лучше послушаем, что скажет Дмитрий Борисович!

– Мне кажется, что Вячеслав Михайлович, больше всех нас находившийся здесь, уже выполнил свою миссию и был возвращен в свое время, – сказал я.

– Полностью с вами согласен, – поддержал меня Олег. – Скажу более: у Вячеслава Михайловича в последнее время стало пошаливать сердце, и в случае обострения квалифицированную медицинскую помощь тут оказать ему не смогут. Любовь Сергеевна подтвердит мои слова.

– Да, за годы, прошедшие после 1956-го, медицина и фармацевтика далеко ушли вперед. Мы уже забыли, чем лечили людей полвека назад, когда современных лекарств просто не существовало. Чтобы освежить в памяти забытое, мне даже пришлось пойти в библиотеку и почитать там медицинские справочники 50-х годов.

Мы еще долго говорили о сложившейся ситуации и пришли к выводу, что нам на время нужно затаиться и ничем на выдавать свое присутствие, а там время подскажет, что делать. Когда Сан-Саныч и Любовь Сергеевна ушли, я рассказал Олегу об Эдике. Мой рассказ его очень заинтересовал, и он попросил меня познакомиться его с ним. Сделать это было нетрудно, так как Эдик оставил мне телефон дежурной общежития Совпартшколы. Вместе с Олегом мы дошли до ближайшего телефона-автомата, с которого я позвонил дежурной. Она пригласила моего друга к телефону, и мы договорились о встрече. Минут через двадцать мы с Олегом были у здания школы, где нас уже поджидал Эдуард Светлов. Представив мужчин друг другу, я оставил их вдвоем, а сам направился к дому Юрия Алексеевича.

Когда я проходил мимо парка, встретил двух совсем еще юных парнишек. Они были сильно возбуждены и громко выражали свои эмоции. Больше всего меня поразил их истеричный смех. Похоже, их веселило всё, что они видели. «Всё ясно, – подумал я, – ребята обкурились анаши (так у нас называли марихуану)». В те годы людей, куривших марихуану, было еще мало, но спрос на нее неуклонно возрастал. Марихуана, или по-научному индийская конопля, в Киргизии росла повсюду, чуть ли не на обочинах дорог. Научиться из нее делать наркотик было нетрудно. Позже с ней стали бороться, но это не дало желаемых результатов – любителей побаловаться «травкой», становилось всё больше.

Более серьезную опасность представлял опий – его посевы в Иссык-Кульском регионе были легализованы государством, и они занимали большую территорию. Наркотик производился для нужд фармацевтической промышленности, но немалая его часть попадала в руки наркоторговцев. На какие ухищрения только ни шли они, чтобы вывести опий за кордон.

По городу ходили самые невероятные слухи. Вот один из них: на контрольно-пропускной пункт поступило сообщение, что к нему приближается автомобиль «Победа», в котором везут наркотик. Подъехавшую вскоре машину тщательно обследовали, но ничего не нашли. Доложили об этом начальству. «Плохо ищите. Ищите лучше, не забудьте про запасное колесо», – последовал приказ. Вскрыли шину запасного колеса: пусто. Начальство негодует и приказывает вскрыть все шины. Вскрыли – в них-то и был спрятан наркотик.

Человек часто не знает, что его ожидает. Вот и сейчас, заходя в дом редактора, я, к своему большому удивлению, услышал громкие звуки свадебного марша Мендельсона, а затем увидел и хозяина, пребывавшего в состоянии близкому к эйфории – его лицо сияло от переполнявшей его радости.

– Добрый вечер, Юрий Алексеевич! Как я понимаю, у вас кто-то женится или выходит замуж? – спросил я.

– Ну что вы! Просто у меня сегодня радостный день – в наш магазин «Мелодия» поступили новые долгоиграющие пластинки, и я купил массу интересных вещей, в том числе и музыку Мендельсона к комедии «Сон в летнюю ночь». Но больше всего меня радует приобретение оперы Мусоргского «Хованщина» и Пятой симфонии Бетховена в исполнении оркестра под управлением Артуро Тосканини. Так что приглашаю вас на музыкальный вечер!

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Проверка документов со стрельбой и новый рассказ Ч. Айтматова

Я проснулся рано. Чтобы не разбудить хозяев, я тихонько оделся и на цыпочках вышел во двор. Солнце еще не встало, но небо на востоке заметно посветлело. С улицы доносились какие-то неясные голоса, звуки проезжавших машин – город просыпался. Я вспомнил о своих близких – жене, детях, и на душе сразу

стало тревожно. Как они там? Неожиданно мне так захотелось вернуться домой, что на глаза навернулись слезы, а сердце учащённо забилося. В этот момент во двор вышел Юрий Алексеевич.

— Что с вами? — сочувственно спросил он, подходя ко мне, — я вижу, вы чем-то расстроены.

— Да вот, переживаю за своих близких. Как они там без меня?

— Я много думал о вас и пришел к выводу, что вас прислали сюда с какой-то целью, как бы в командировку. Однако, что вам нужно делать, не объяснили, следовательно, вы сами должны заботиться о себе, приспособиваясь к сложившимся ситуациям. За вами наверняка наблюдают, а ваши действия изучаются. Более того, я думаю, что вы здесь не один — должны быть и другие пришельцы.

— Вы угадали: они уже есть, но я не могу о них говорить.

— Прекрасно! А известны ли вам факты внезапного исчезновения кого-нибудь из них?

— Да.

— Ну вот видите! Уверен, что и вы в скором времени вернетесь к своим близким — наберитесь только терпения. А сейчас пойдёмте завтракать!

После завтрака я решил прогуляться по хорошо знакомой мне Московской улице, на ее отрезке от бульвара Дзержинского до бульвара Молодой Гвардии. В 1956 году она была преимущественно одноэтажной; двух- и трехэтажных зданий на ней было совсем немного. Наиболее интересными из них были поликлиника МВД, Концертный зал музыкального училища и, конечно же, учебный корпус Мединститута.

Правда, здание института выходило на Московскую улицу торцом, а его красивейший полукруглый, украшенный колоннадой и широкой парадной лестницей фасад оказался обращенным на пустырь, который собирались превратить в большую площадь, да так и не превратили.

Я шел по южной стороне улицы мимо построенных еще в до-революционные годы частных жилых домов. Некоторые из них, например, угловой дом на пересечении с Первомайской, были

украшены затейливой резьбой по дереву. Первые «этажные» дома появились после улицы Панфилова – здание музыкального училища с концертным залом и построенный в модном в ту пору стиле конструктивизма жилой дом.

В военные и послевоенные годы в этом зале нередко проходили филармонические концерты. На одном из них мне удалось побывать. Выступал известный пианист из Москвы Наум Штаркман. И вот в середине концерта в зале погас свет, а пианист, несколько не смутившись, как играл, так и продолжал играть. Через минуту-другую свет включился, а когда пьеса закончилась, зал взорвался шквалом аплодисментов.

Следующий квартал – от улицы Логвиненко до Ворошилова – был почти полностью отдан в руки медиков: здесь находились многочисленные медицинские учреждения. Самое интересное из них – построенная в 1928 году по проекту архитектора А.П. Зенкова «Хирургическая больница» с улицы видна не была: она располагалась в глубине большого зеленого массива.

Я не поленился и прошел по аллее до самого корпуса больницы. Он был необычен и чем-то даже напоминал крепость. В его архитектуре широко использовались полукруглые и зубчатые формы, что придавало зданию восточный колорит. Строили его рабочие чехословацкого кооператива «Интергельпо», строили на века – прочно и красиво.

Бурно растущему городу катастрофически не хватало жилья, поэтому старые одноэтажные дома постепенно сносились, а на их месте строились новые. Особо активное строительство в этом районе вел завод имени Ленина. Жилой комплекс из трех элитных домов занял целый квартал у молодого сквера, разбитого между улицами Ворошилова и Горького (ныне Коевкозова). В одном из них открылся магазин «Детский мир», а с другой стороны комплекса, выходявшего на улицу Молотова (ее вскоре переименовали в улицу имени 40-летия Октября), росло необыкновенное по величине дерево – огромный раскидистый дуб. Летом его мощная крона давала тень всему перекрестку. Неподалеку от дуба стоял совсем не типичный для городского ландшафта дом – настоящая

сибирская бревенчатая изба с массивными ставнями на окнах и наличниками. В этом доме жил дирижер оперного театра Ростислав Миронович. Судьба этого экстравагантного строения печальна – дом простоял еще много лет, но в конце концов его всё же снесли, а на освободившемся месте воздвигли очередную безликую многоэтажку.

Улица Московская не зря раньше именовалась Пионерской – на ней или рядом с ней находилось пять средних школ города – № 6, 8, 11, 13, 28. Одна из них – тринадцатая – располагалась сразу за пересечением Московской с улицей Белинского. Она прославилась тем, что в 1961 году стала первой в республике школой с углубленным изучением английского языка.

Далее, до бульвара Молодой Гвардии (бывшей Атбашинской), ничего интересного не было. Конечно, новый бульвар (он был заложен в 1940 году) во многом уступал «Дзержинке», но тоже был зелен и наряден. Здесь росли многочисленные дубы, березы, карагачи, акации, биоты, гледичии, а также сирень и другие кустарники. На бульваре находились городская баня № 3, летний кинотеатр, две школы – восьмая и девятая, а также несколько новых трехэтажных жилых домов.

Завершив прогулку по Московской, я сел в троллейбус и вернулся в центр города. Здесь меня ожидал неприятный сюрприз: у всех, выходявших из троллейбуса граждан мужского пола, проверяли документы.

Проверку вели два милиционера. Если у кого-то документов при себе не было, его задерживали для установления личности и отводили к милицейской машине, которая стояла рядом с остановкой. Когда очередь дошла до меня, я, с трудом сдерживая биение сердца, протянул свое липовое пенсионное удостоверение. Однако ничего страшного не произошло: милиционер равнодушно скользнул по мне взглядом, одобрительно кивнул головой и, извинившись, вернул мне документ. Я облегченно вздохнул.

И тут произошло нечто непредвиденное – стоявший сзади меня мрачного вида, давно не брившийся парень вдруг резко оттолкнул милиционера и со всех ног кинулся бежать. Страж

порядка, немедля, рванул вслед за ним. Чудом увернувшись от проезжавшей в этот момент машины, парень перебежал улицу и скрылся за углом ближайшего дома. Послышались резкая трель милицейского свистка, а затем и выстрел. Второй милиционер прыгнул в машину, и она тоже ринулась в погоню.

Я счел разумным поскорее покинуть это неблагополучное место.

Весь путь от остановки до столовой я размышлял о случившемся. Ну надо же: в тихом и спокойном городке и вдруг такие голливудские страсти со стрельбой и погоней. Чем, интересно, всё это закончилось? Беглеца поймали или ему удалось скрыться? Одно радовало, что удостоверение мне помогло и оно снова со мной.

После обеда я решил немного отдохнуть, а лучшего места для спокойного отдыха, чем читальный зал библиотеки, мне не найти. Проходя мимо кинотеатра «Ала-Тоо», я увидел красочную рекламу, извещавшую, что сегодня вечером будет демонстрироваться новый художественный фильм «Весна на Заречной улице».

Сам кинофильм меня не интересовал – я видел его не раз, а вот послушать перед сеансом выступление эстрадного оркестра, которое проводилось только в вечернее время, очень хотелось. Постояв немного в очереди, я купил билет на шесть часов, но, поскольку оркестр начинал свое выступление примерно за полчаса до начала фильма, прийти в кино нужно было пораньше. Мне очень хотелось побывать в зале, в котором во время войны выступали корифеи советского джаза – Яков Скоморовский, Эдди Рознер, Александр Цфасман.

В читальном зале я пробыл до пяти часов. Всё это время я посвятил знакомству с содержанием недавно начатого издаваться в республике журнала «Литературный Киргизстан». В его пятом номере за 1956 год был опубликован рассказ молодого, тогда мало еще кому известного писателя Чингиза Айтматова «Трудная переправа».

Чтение настолько увлекло меня, что я чуть не опоздал в кино. Чтобы занять хорошие места в малом зале, где исполнял свои

программы оркестр, нужно было стать у входной двери и, дождавшись, когда она откроется, поспешить занять места поближе к оркестру.

Минут за сорок до начала фильма на сцену вышли музыканты оркестра, одетые в нарядные серые в полоску костюмы с галстуком, а пианистка – в концертное платье, они заняли свои места, взяли в руки инструменты, и концерт начался. Объявлял номера сидевший в первом ряду моложавый мужчина, тенор-саксофонист Григорий Гинзбург, говорил он, как профессиональный диктор, мягким, хорошо поставленным голосом. Всего же в оркестре было десять человек – три саксофониста, два трубача, тромбонист и ритм-группа – рояль, гитара, контрабас и ударные. Кроме того, в коллективе была солистка – студентка музыкального училища.

В репертуар оркестра входили популярные песни и инструментальные пьесы. В те годы, когда джаз был объявлен вне закона, появление на сцене оркестра с саксофонами и трубами воспринималось как чудо. Правда, слово «джазовый» было заменено на слово «эстрадный», но суть от этого не менялась – оркестры играли в джазовой манере и даже пытались «свинговать». Конечно, импровизировать тогда умели далеко не все, поэтому играли в основном по нотам, вставляя лишь иногда записанную на ноты «импровизацию» солирующего инструмента. Однако получалось неплохо, и слушатели не скупались на аплодисменты.

Мне этот концерт напомнил дни далекой юности, когда я по ночам слушал джазовые передачи радиостанций «Голос Америки» и «Би-би-си». Золотое было время, и я как бы снова окунулся в него.

«Весну на Заречной улице» я просмотрел только до середины, поскольку обещал Юрию Алексеевичу прийти сегодня пораньше, чтобы завершить прослушивание новых грампластинок.

В доме редактора я застал трех юношей, как вскоре понял, больших любителей музыки – они тоже собирались ознакомиться с новыми приобретениями Юрия Алексеевича. Лицо одного из них мне показалось знакомым, но я никак не мог вспомнить,

где мог его видеть. Когда нас представляли друг другу, он назвался Михаилом.

Прежде чем начать прослушивание Валентина Алексеевна пригласила всех к столу. Нам был предложен чай с только что испеченными пончиками. После ужина был включен проигрыватель, и комната наполнилась неповторимыми звуками оркестрового вступления к опере Мусоргского «Хованщина», известное под названием «Рассвет над Москвой-рекой». Когда отзвучало вступление и первое действие, Юрий Алексеевич остановил проигрыватель и предложил присутствующим высказать свое мнение.

Первым выступил Михаил. Он был переполнен чувствами и говорил страстно, убежденно. В этот момент я вспомнил его – позже он станет научным сотрудником одного из городских музеев, большим поклонником оперы. Он даже будет писать рецензии на концерты и спектакли под псевдонимом Меломан. Миша меня, естественно, не знал, потому что был молод, и время нашего знакомства еще не пришло.

Когда гости разошлись и мы уже готовились ко сну, раздался тревожный стук в окно. Юрий Алексеевич пошел открывать калитку и вскоре вернулся, явно чем-то встревоженный. «Вас спрашивает Олег», – сказал он сухо. Я вышел во двор, где у калитки меня поджидал Олег. Он сообщил ужасную весть – меня разыскивают сотрудники органов госбезопасности.

– Скорее всего, вас заложил ювелир, сообщивший им ваши приметы, кстати, довольно точные. Вы должны на какое-то время исчезнуть из вида. Несколько дней можете пожить у меня, а там будет видно. А теперь попрощайтесь с Юрием Алексеевичем и его сестрой и, главное, не забудьте забрать все ваши вещи. Больше четверти часа я вам дать не могу, буду ждать вас здесь, на скамеечке.

Новость просто ошеломила моих добросердечных хозяев. Однако иного выхода не было. Мы стали прощаться. На глазах дорогих мне людей стояли слезы.

– Даст Бог, может быть, еще свидимся, – тихо сказал Юрий Алексеевич и крепко прижал меня к груди, а Валентина Алексеевна осенила меня крестным знамением.

Олег уже нетерпеливо переступал с ноги на ногу, ожидая меня у скамейки. Мы вышли на безлюдную улочку и, петляя по переулкам и пустырям, за полчаса дошли до дома Олега. Мы долго обсуждали сложившуюся ситуацию, тщательно анализировали ее и легли спать далеко за полночь.

Спал я, на удивление, крепко, и снился мне удивительный сон, будто я куда-то лечу, широко раскинув руки в стороны, словно крылья. Люди, стоявшие внизу, указывали на меня пальцами, что-то кричали, а я всё летел и летел...

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Реприза: с возвращением!

Я с трудом, словно после тяжелого сна, открыл глаза. Ничего не понимая, посмотрел по сторонам: я сидел на скамейке на бульваре неподалеку от своего дома. Как сюда попал и с чего бы это вдруг заснул, сидя на бульварной скамейке? Раньше со мной такого никогда не случалось.

Постарался вспомнить события прошедшего дня, но, как ни напрягал память, ничего у меня не выходило – всё было словно в тумане. В ушах стоял какой-то странный шум, хотя физически я чувствовал себя вполне нормально.

Я еще раз посмотрел по сторонам. Стояла осень – прекрасное время года. Большинство деревьев и кустарников еще хранили свой зеленый наряд, но многие из них уже окрасились в золотисто-желтый цвет. И всё же в окружающем пейзаже было что-то не то, а что именно, я не понимал. И тут я вспомнил всё, и осознал, что вернулся в своё время – милый 2011-й год. Взглянул на часы – они показывали 7.45, 21 сентября. Я ощупал свои карманы – все мои вещи, кроме старинных советских банкнот, были на месте.

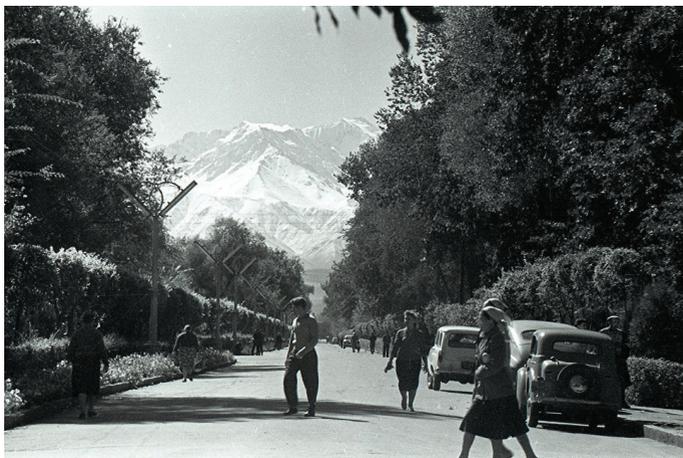
Странное дело, но выброшенная в урну бейсболка «Barcelona» каким-то образом оказалась у меня на голове.

Так что же получается: я нигде не был, никуда не перемещался по времени, а всё это мне приснилось? Не может такого быть!

Я стал лихорадочно искать у себя хоть какие-то следы моего пребывания в городе моей юности в сентябре 1956 года. И наконец нашел – это был лежавший в заднем кармане брюк клочок бумаги с номером телефона дежурной общежития Совпартшколы. Позже я разыскал старый городской телефонный справочник: такой номер в нем имелся, сомнения отпали – я действительно побывал в далеком прошлом.

Немного придя в себя от пережитого потрясения, я поднялся со скамейки и, не спеша, пошел домой.

Бишкек – Уоррен (штат Вермонт, США),
ноябрь 2015 – апрель 2021 г.

3. Улица Дзержинского с видом на самую высокую вершину Кыргызского хребта – пик Семенова-Тян-Шанского

4. Кинотеатр «Ала-Тоо»,
в фойе которого играл оркестр Эдди Рознера

5. Павильон «Газированные воды»

6. Старые торговые ряды.
На переднем плане – магазин «Хозтовары»

7. Здание Женской прогимназии, которое, согласно легенде, его бывший владелец проиграл в карты

8. Мединститут, на пустыре перед которым по ночам прогуливались лихие люди

9. Фонтан в Центральном сквере (1956)

10. Центральный вход в парк имени Панфилова, огражденный трехметровой чугунной решеткой: хочешь культурно отдохнуть – купи входной билет

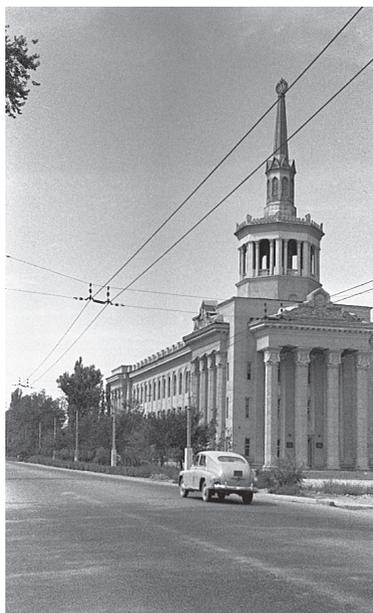
11. Детская библиотека на пересечении улиц Советской и Фрунзе

12. Здание вокзала в момент прибытия поезда

13. Улица Ворошилова (ныне – Тоголока Молдо)
в районе православной церкви

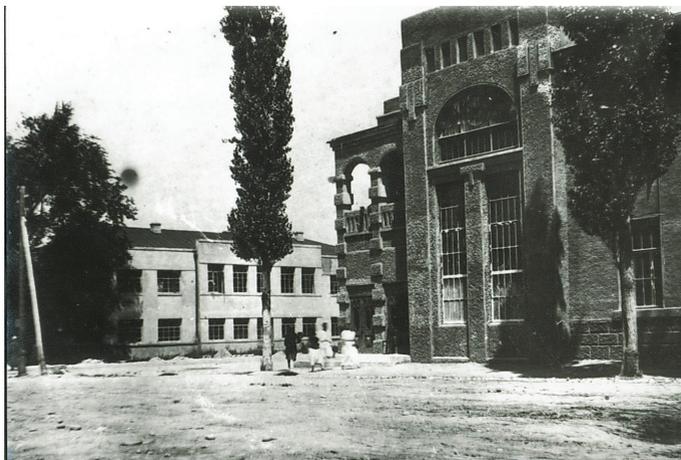
14. Гидромелиоративный техникум –
одно из самых красивых зданий города послевоенного времени

15. Улица Сталина на ее пересечении с Дзержинкой

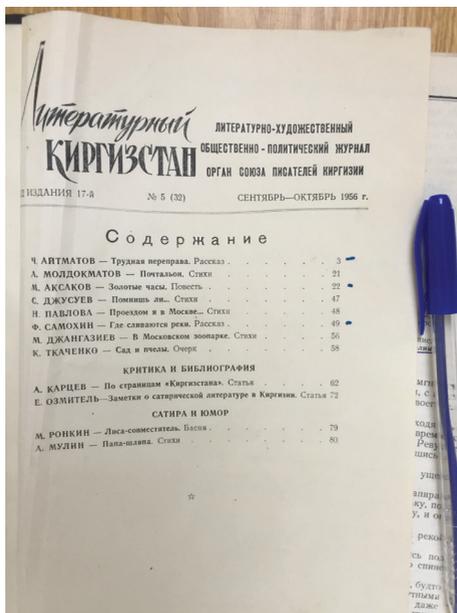
16. Чудо-дерево на пересечении Московской с улицей Молотова (ныне улицей Исанова) – оно давало тень всему перекрестку

17. Магазин «Серая бакалея», в котором свободно можно было купить деликатесы – зернистую икру и крабов

18. Обложка журнала
«Литературный Киргизстан» № 6, 1956 год

19. Содержание журнала «Литературный Киргизстан» (сентябрь-октябрь 1956 года)

20. Здание КирФАНа – Киргизского филиала Академии наук СССР

21. Группа ученых во главе с академиком Константином Скрябиным вместе с первым секретарем ЦК КП Киргизской ССР Исхаком Раззаковым и другими начальниками

22. Мужская средняя школа № 6

23. Спортивный зал на улице Фрунзе

24. Автор книги на родной Дзержинке.
Фото конца 50-х годов

СОДЕРЖАНИЕ

День первый: Тогда листва на деревьях Дзержинки была густой.....	3
День второй: Трудно быть в СССР человеком без паспорта.....	18
День третий: Ты играл в ляngu и в альчики?	34
День четвертый: Явление одноклассника Эдички	49
День пятый: Вдоль по улице, по Сталина и рядом	58
День шестой: Взгляд с горы на город детства	64
День седьмой: Проверка документов со стрельбой и новый рассказ Ч. Айтматова	69
День восьмой: Реприза: с возвращением!	76
Фотографии	78

*Фотография на лицевой стороне обложки
Андрея Батманова. Место съемки – пешеходный
мост через БЧК, дошедший до нашего времени
в таком же виде, каким он был в конце 50-х годов.
Мост был построен в непосредственной близости
от ныне заброшенного Комсомольского озера.*

Андрей Кузнецов

ПРОСНУВШИСЬ В 1956-м

Научно-популярная повесть
в жанре хронофантастики

Корректор *Н.В. Сорочайкина*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой*

Подписано в печать 22.02.2022.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Офсетная печать.
Объем 5,75 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 3.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а